

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — РОДИНУ ЗАЩИЩАТЬ!



ОФИЦЕРЫ



★ ЛЕВ ПУЧКОВ ★

ПАСЫНКИ ДЖИХАДА



НОВЫЙ РОМАН

Команда №9

Лев Пучков

Пасынки Джихада

«ЭКСМО»

2005

Пучков Л. Н.

Пасынки Джихада / Л. Н. Пучков — «Эксмо», 2005 — (Команда №9)

Полный абзац! А как еще назвать ситуацию, в которой оказалась группа оперативного резерва полковника Иванова. В мирном городе орудует банда боевиков (возможно, и несколько банд), а легендарная команда № 9, где каждый боец – суперпрофи в своем деле, никак не нащупает ни зацепок, ни версий. А вот диверсий сколько угодно. О чем говорить, если эти невидимки вырезали чуть ли не весь оперсостав контрразведки прямо в расположении дивизии и бесследно скрылись, прихватив с собой трех подследственных. Найти, найти и обезвредить, чего бы это ни стоило. Что ж, бойцы команды за ценой не посядут. Этот поединок для них – дело чести.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лев Пучков

Пасынки Джихада

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы. Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены. Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Глава 1

Сергей Кочергин. Полнейшая рутина...

5 ноября 2003 г. Пятигорск

...Полковник-чмо катается на «Волге»,
Жрет шашлыки, пьет пиво – молодец!
Но так резвиться шлюхеру недолго,
За ним неслышно движется п...дец!
Вам бы, полковник, лучше застрелиться,
У мертвых точно совесть не болит,
Иначе двое ниндзей лет под тридцать
Устроят вашей жопе геноцид...

- Ну как?
- Ниндзи – это мы?
- Ну а кто еще?
- «Лет под тридцать»?
- Ну, это, типа, промежуток. От двадцати до тридцати. Не, ты чего цепляешься к мелочам? Ты скажи, в целом – как?
- В принципе, нормально. Но вот это – «шлюхер»... Это вообще что такое?
- Это мужик, который шлюха.
- Да, это сильно... Сам придумал?
- Ага. Прикольно?
- Ну, Вася... Это просто для связки слов или тут присутствует какая-то смысловая нагрузка?
- Ну ты сказал! Что я, совсем тупой, что ли? Для связки я бы сказал: «Резвиться пидеру недолго». Проще и яснее.

– И в чем смысл «шлюхера»?

– А потому что продажная сука. За деньги, сука, Родиной торгует...

Есть такая нация – офицеры Российской Империи. Я не оговорился, именно нация, а не просто профессия либо социальная категория. Есть у нас аварцы, чукчи, калмыки, вайнахи, и прочие, и прочие, и... русские офицеры. Вспомните определение: нация (*от лат. natio – племя, народ*) – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования единства их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Основной сущностный принцип – общность самосознания и социальной структуры, а также принадлежность к определенному государству.

В общем, я тут разобрался: помимо территории, остальные составляющие определения буквально по всем пунктам попадают.

Экономические связи: рабоче-крестьянская гвардия, монолитное братство вооруженных нищих (факт – в армии служат выходцы из низов, представители даже среднего класса от нее шарахаются, как нохч¹ а от шмата сала с чесноком).

Литературный язык – ха! Гхм... Ну, назовем его несколько витиевато: профессиональный сленг, местами малопонятный гражданскому человеку.

Особенности культуры и характера: тут все просто, это военные традиции и ритуалы. Они принимают в свои тесные объятия юношу, едва надевшего погоны курсанта, и руководят им до последней черты – до залпа почетного караула над свежевырытой казенной могилкой.

По территории – разговор особый. Территория обитания этой нации обозначена предельно просто и кратко: куда Родина пошлет. Куда пошлет, туда и поедет. Хоть в пекло к сатане. И будет там жить, работать, сражаться до последней капли крови и, если надо, героически падет на поле боя либо просто сдохнет под забором, как собака без роду-племени (между прочим, у пресловутого Буданова, которым нохчи активно размахивают, как символом русского надругательства над ними, и по сию пору нет российского гражданства. Хи-хи, правда? До полковника дослужился, кровь за Россию проливал ведрами, а гражданства не заслужил...).

Ну ладно, не будем усугублять. Скажем проще.

Нельзя стать офицером, надев по случаю чей-то китель с погонами. Нельзя перестать быть офицером, сняв форму и заявив: «Ну вот, теперь я уже не офицер». Потому что офицер – это навсегда. Это даже не просто состояние души, а окончательный диагноз. Это особая формация, которая живет в своем мире, совершенно непонятном благополучным и сытым людям. С упорством неизлечимого дебила эта формация продолжает защищать Родину, получая за свой труд просто смешное денежное довольствие и ютясь при этом совместно с семьями в неблагоустроенных общагах.

Короче, не буду распинаться, верьте мне, пришлому (сам-то я как раз родом из того сытого благополучного мира, сюда залетел по недоразумению) со свежим взглядом: это особая нация.

Как и в каждой нации, среди офицеров хватает всяких. Есть умные, крепенькие середнячки, серые посредственности, совсем тупые и... Васи Крюковы.

Впрочем, возможно, я ошибаюсь, приписывая Васю к некоей исключительной категории, а на самом деле он один такой на все Вооруженные Силы. По крайней мере, в Объединенной группировке второго такого я не встречал.

При случае расскажу про этого типа подробнее, а сейчас обозначу несколько занимательных деталей.

Майор Вася Крюков по внешним и физиологическим данным просто идеально приспособлен для своего профиля (войсковая разведка). В свои двадцать восемь он выглядит как плохо кормленный и малость недоношенный ученик девятого класса средней школы. Мелкий наш Васятка, вот что. И личико детское. В армейском быту ему трудно, постоянно приходится растопыриваться и держать грудь колесом, подтверждая свою репутацию грозного ночного воина. Зато «на работе» – никаких проблем. В форме Вася легко сходит за солдата-первогодка, а в гражданке – хоть сейчас за школьную парту.

Последнее, кстати, весьма актуально. Дело в том, что Вася... не учился в школе. Если вы в курсе, кто такой Дерсу Узала, то и объяснять ничего не надо. Если не в курсе, объясняю.

Вася рос в семье потомственных сибирских охотников-звероловов, безвылазно жил в тайге, сызмальства помогая отцу в его нелегком и опасном промысле. Какая, в задницу, школа, когда приходится вкалывать сутками напролет? Читать и считать научился по ходу дела, а когда

¹ Нохча – самоназвание чеченцев.

пришла пора, папа выменял на какие-то шкуры аттестат зрелости. Как в военное училище допустили – тоже понятно. Там главное – физподготовка, а все, что надо было писать, купили за недорого.

Вот и дослужился до майора. Не гонят, потому что мастер своего дела. Вася обладает ночным зрением (как современный человек без предрассудков я не могу объяснить это явление с точки зрения элементарной физиологии, но факт – этот паршивец ночью видит!), патологически хладнокровен в самой безысходной ситуации, мастерски владеет всеми видами оружия, может совершенно бесшумно перемещаться по местности любого типа и за версту чувствует опасность. Костя, например (это другой наш уникум), называет его барометром.

Помимо всего прочего, «барометр» Вася у нас народный поэт. Какой-то придурок сказал ему, что талант дремлет в каждом, просто надо его без усталости развивать и тогда, мол, все будет тип-топ. Вот он и развивает. Без усталости. Каждый день сочиняет всякую дрянь.

За год наловчился – с ходу может состряпать стишок про любое явление окружающего мира. Творчество это, правда, несколько скособочено в силу особенностей развития народного поэта. То есть все стишки именно вот такие – процитированный выше еще далеко не самый вульгарный образчик. Дело в том, что Вася по интеллектуальному развитию прочно застрял в своем охотничье-звероловном отрочестве и непроходимо дремуч, как сибирская тайга. И ведет себя зачастую как непосредственное дитя.

Вот штришок к портрету. Правозащитникам и благородным дамам – не читать!

Как-то наш уникум во время операции зарезал девушку с пояском (она лишь самую малость не подорвала три десятка человек – молниеносная реакция и хладнокровие Васи в буквальном смысле спасли многих людей от гибели). А шахидка оказалась совсем юной. По сути, девчонка еще, но... уже беременна. Когда Глебыч пояс снял, видно стало, что тяжелая.

Вася расчувствовался, слезу пустил. Типа, убил еще не родившегося ребенка, не дал новой жизни прийти в этот гнусный мир... Всхлипнул пару раз, смахнул слезинку, потом воробато оглянулся по сторонам (всех лишних уже эвакуировали – Глебыч работал, заряд неслабый: полтора кило пластит с болтами) и говорит:

– Давай оттарабаним ее, пока теплая. Чего добру пропадать...

Костя говорит, что это деформация детской психики. Потому что Вася – дитя войны. Сразу после училища, со своим неоформленным подростковым мировосприятием он угодил на передовую и восемь лет растет и развивается в режиме «война». А до того вся его детская жизнь прошла в режиме «охота», составляющими которой были оружие, запах пороха, засады-скрадки и звериная кровь. То есть о наличии в мире красивых игрушек, велосипедов, песочниц и детских садов он даже в принципе не подозревает...

Публика в команде продвинутая, парень наш быстренько нахватался всяких словес, но пользы от этого немного, а порой получается даже и во вред. Про «моветон», например, Вася долго думал, что это новая марка ПТУРС (по кривой аналогии с «Метисом» и «Фаготом»), и из-за этого разругался вдрызг с начальником артиллерии, полагая, что тот, скотина этакая, утаивает от него свежую информацию. Я как-то упомянул всеу Тиля Уленшпигеля, так маленький разведчик сразу заинтересовался, из какого он тейпа. А когда выяснилось, кто это такой, Вася долго косился на меня с подозрением: прикалываюсь или как? Короче, местами весело, местами грустно...

– А про геноцид – как?

– Да, это вообще – от винта.

– Ну, то есть – могу, да? Когда захочу, типа. Как я ввернул, а? «Вашей жопе – геноцид»!

– Да без вопросов!

– Ну вот, видишь. А ты говоришь – университет...

Про геноцид Вася узнал этим летом. Сидим у себя в палатке-столовой, братья Подгузные должны минут через пятнадцать обед подать... вдруг выходит по рации Иванов: все бросайте, пулей – в Гудермес. Бегом, бегом, каждая минута дорога!

– Да что ж это за...! – возмутился расположившийся у окна Петрушин. – Это что же такое творится?!

– Это просто геноцид, – поддержал Костя. – Черт-те что...

– Щас я этому Гене... – буркнул Вася и вышел из палатки.

Петрушин с Костей возмутились по поводу неплановой необходимости мчаться сломя голову к черту на кулички и вынужденного отказа от приема пищи. Вася, пока мы ждали обеда, успел разогнаться буханкой хлеба с банкой тушенки, высосал дежурный стущ, в принципе был уже отчасти сыт и потому этак вот остро распоряжение не принял. А взор Петрушина, направленный в окно, истолковал по своему.

– Никто там не ссыт, – буркнул Вася, возвратившись в палатку. – И потом, откуда у нас тут Гена? Это че, приколы такой?..

* * *

...В салоне «Нивы» тепло и уютно. За окнами контраст: серо и слякотно. Поздняя осень на Кавказе даже как нехороша для праздного времяпрепровождения. Когда ты занят напряженной работой (при которой тебе не надо ползать по грязи...), погода и другие неприятные особенности здешнего демисезонья особого значения не имеют. Просто некогда на них отвлекаться. А если привыкший к активному труду товарищ мается дурью и у него полно свободного времени, организм его поневоле начинает реагировать на окружающую промозглую слякоть и неизбежно проникается сопутствующей меланхолией.

– Чуешь?

Стекло с Васиной стороны приспущено, он уже давно втягивает ноздрями ароматный шашлычный дымок, клубами наплывающий со стороны кафе. Стоим мы на проспекте Кирова, в пятидесяти метрах от питательного заведения, объект сидит на застекленной террасе в компании троих толстых мужиков и плотно завтракает. А стационарный мангал – на улице, чтобы завлекать проезжающих.

– Сейчас бы по шашлычку... А?

Вася только что из-за стола, употребил, как водится, двойную порцию и выдул три кружки кофе со сгущенкой.

– А не лопнешь?

– Так это же шашлык!

– И что?

– Ну... Для шашлыка у нас всегда место найдется...

Васе скучно. Спим мы в тепле, питаемся горячей пищей, на работу выезжаем в восемь утра. Ползти, красться, снимать часовых не надо, кататься себе неспешно за объектом и наблюдай. Сплошная рутина. Объект не виляет, не прячется, о слежке даже и не догадывается, весь как на ладони. Никаких тебе засад, рейдов и иной привычной разведдеятельности. Сплошной досуг.

Досуг Вася предпочитает проводить с Костей. У них за время совместной работы сложился своеобразный симбиоз: доктор наук Костя и таежный парень Вася. Типа, абориген-людоед и белый миссионер. Людоед трется вокруг доктора, верит, что от общения с ним станет таким же умным. Я тоже в принципе не дурак, начитан до безобразия и просвещен по многим вопросам... Но я не доктор. Доктор ведет внутри Васи просветительскую работу, цепляется к каждой его несуразности, постоянно воспитывает и критикует. Вася к этому привык, и теперь ему как будто чего-то не хватает. Сейчас Костя наверняка нашел бы в этом дурац-

ком тишке кучу изъянов, которые породили бы полтора часовую яростную дискуссию. А я индифферентно похвалил – и в сторону.

В общем, скука смертная. Меланхолия лезет в душу разведчика. Хочется веселья. Это как раз про него: «люблю повеселиться, особенно пожрать...»

Зачем, спрашивается, разлучили аборигена с миссионером? Так рутинной же занимаемся. Тривиальной слежкой. Для рутины нужно, чтобы в самостоятельном звене был хотя бы один специалист по оперативной работе. У нас в команде таких трое: Иванов, Лиза и ваш покорный слуга. Соответственно и разделились: Лиза – Костя, я – Вася (две группы наружного наблюдения) и стационарный пост прослушивания – Иванов, Глебыч, Петрушин.

Следим мы за полковником Руденко. Это старший офицер штаба Пятигорской дивизии ВВ, исполняющий обязанности начальника строевой части объединенной группировки на Северном Кавказе. Проживает полковник в Пятигорске, сейчас в отпуске.

Упреждая ухмылки тех, кто разбирается в таких вопросах и знает, чем может злоумышлять строевик, спешу согласиться: да, такого рода дела – прерогатива военной контрразведки.

Но вождь нашей банды полковник Иванов по своему постоянному штату тоже является контрразведчиком. Основной массив рабочей информации мы получаем именно через его службу.

Недавно его приятель – Вахромеев (это главный «контрик» группировки) – поделился: в последнее время каждый второй «дух²», плененный либо списанный в расход, имеет при себе наши документы. То есть удостоверения личности офицера, военные билеты, спецпропуска, командировочные предписания, выправленные в соответствии со всеми инструкциями. Комар носа не подточит. Бланки наши, никакой подделки, заполняли тоже специалисты, все печати подлинные – проверяли. Короче, хоть как прикидывай, но без кадровиков тут не обойтись.

Тут как раз трое фигурантов по нашим прошлым делам попались, и опять же все с правильными документами. Иванов от скуки заинтересовался (мы уже второй месяц в отстое, баклуши бьем) и взял у Вахромеева отдельное поручение по этому делу. Немного поковырялся, даже глубоко не влезая в детали, и быстренько вышел на полковника Руденко.

Интересный такой полковник. Загадочный. Всем до зарезу нужный и... неприлично богатый для простого офицера. Руденко перевелся сюда не так давно, некоторое время ютился с семьей в офицерском общежитии. А за последние два года конкретно приподнялся: отстроил усадьбу в приличном районе, взял «ГАЗ-31» новехонький, с завода (значит, с бензином все «подвязано» – ест она дай боже супротив «вазовских» моделей и тем более иномарок), купил сыну двухкомнатную квартиру, а недавно приобрел дачу со статусом ПМЖ, куда потихоньку завозит стройматериал. Видимо, для другого особняка...

Занятно, правда? Откуда дровишки, спрашивается?!

Полковник, хоть и в отпуске, но активен до безобразия. Усадьба у него на восточной окраине (кто Пятигорск знает – на Юбилейной, неподалеку от проспекта Калинина), часов в десять утра он оттуда выезжает на своей «Волге» и мотается весь день по городу и окрестностям. Встречается с нужными людьми, пиво пьет, беседует...

В хату к себе кого попало не тащит. За неделю наблюдения у него дома были всего пятеро посетителей весьма respectable обличья из разряда административных чиновников да разок гулял с шумной компанией, тоже из чиновного люда. Дважды был за пределами: ездил по делам в Минводы и Кисловодск. Несколько раз, будучи в гордом одиночестве, посещал свою свежешкупленную дачу. Зашел – вышел, не более десяти минут. Такое впечатление, что там у него схрон, приезжал, возможно, чтобы что-то взять.

Проверить это предположение пока не представлялось возможным, потому что дачу круглосуточно охраняет наемный сторож. У нас же миссия сугубо наблюдательная – до опре-

² Моджахед, солдат противника (сленг).

деленного этапа проявление какой-либо активности категорически возбраняется, чтобы ненапроком не спугнуть «объект».

В связи с этим, кстати, мы вынуждены соблюдать в мирном городе Пятигорске конспиративный режим. В дивизию нам нельзя, хотя для работы удобнее всего было бы расположиться именно там: дивизионный «контрик» – закадычный приятель Иванова, полковник наш, до недавнего времени был начальником оперативного отдела контрразведки округа, всех тутешних особистов знает.

Поселились мы с милостивой протекции спецпредставителя в санатории «Заря». Знакомое местечко, как-то доводилось там жить и работать, но недолго.

А сейчас торчим уже неделю, и бог его знает, на сколько еще задержимся. Катаемся по городу, глазеем на полковника, баклуши бьем.

Чего нам надо? Хочется, чтобы Руденко сдал своих кунаков. Причем не абы каких, а самых достойных.

Нас совершенно не интересуют нищие военные и законопослушные граждане, хоть как-то соприкасающиеся с армией, которым ловкий полковник продает липовые документы: наградные листы, представления, командировочные, отпускные и тому подобные бумажки – список тут достаточно обширный.

Нас интересуют «духи». Точнее, посредники, которые имеют через Руденко военные билеты и удостоверения личности.

Вот это уже стоящий материал. За такие шалости товарища можно будет крепко взять за кадык (второстепенная задача) и через посредников выйти непосредственно на пользователей (задача № 1)...

* * *

После долгого делового завтрака Руденко посетил три места: горотдел, нотариальную контору и магазин стройматериалов на выезде из города.

Мы аккуратно «пасли» нашего фигуранта, через определенные Ивановым промежутки передавая его с рук на руки второму экипажу – Лизе с Костей. В принципе можно было бы так не осторожничать: Руденко вел себя вполне беспечно. Но раз уж наш командир хочет, чтобы слежка производилась по всем правилам, значит, все будет как положено.

Когда мы с Васей в очередной раз приняли «объект», выяснилось, что никуда более он ехать не желает, а направляется домой.

– Что-то рановато сегодня, – Вася посмотрел на часы, была половина второго. – Обле-нился, сволочь...

Мы доложили по рации о прибытии объекта в конечный пункт и привычно встали на перекрестке Урицкого с Юбилейной. Семьдесят метров до ворот усадьбы Руденко, прямая видимость, сносное алиби: рядом магазин, так что чужие машины в этом месте – норма.

– Мы на месте, – через некоторое время доложил Костя.

Костя с Лизой стоят на проспекте Калинина, в километре отсюда – примерно посередине между поворотом на Юбилейную и выездом из города на трассу «Кавказ». Задача у них простая: следить, откуда прибыли все транспортные средства, заворачивающие к нам на Юбилейную. Заворачивают не так уж и много, так что особо напрягаться второй паре не приходится.

Те, что из города, нам не нужны. Нас интересуют машины, приехавшие по «Кавказу» со стороны Нальчика. Это то самое направление, откуда могут пожаловать наши гипотетические посредники...

– Понял вас, – отозвался Иванов. – Все, ребята, работаем как обычно. Смотрите, не спать там!

Иванов, Глебыч и Петрушин – в стационаре. С утра их «таблетка» заезжает на Эльбрусскую (параллельная Юбилейной), встает на телефонный колодец, Глебыч цепляется к колодке с «парой» Руденко, и мы до вечера пишем все разговоры полковника по проводам. Разумеется, ни о какой санкции речь не идет. Какая, на фиг, санкция! Сами все, сами – полнейший voluntarизм. Жаль, не получилось подсесть на мобильный «объекта». Чтобы без санкций слушать мобильный, нужна протекция спецпредставителя или помощь моих коллег. А поскольку мы занимаемся этой рутинной по своему сугубо личному почину, беспокоить больших людей ради такой мелочи неудобно и накладно. За это ведь потом обязательно придется отдариваться: информацией либо работенкой...

«Как обычно» для нашего поста – это праздное лицезрение усадьбы объекта. Мы неспешно уплели чебуреки (по ходу дела на рынок заехали), выпили по пакету молока и кинули монетку, кому бдеть в первую смену.

Бдеть выпало мне.

– Все, на сегодня работа закончена, – Вася полез на заднее сиденье, достал из-под него одеяло и методически грамотно принялся готовиться ко сну. – За три часа ничего не будет, это сто пудов. А когда моя смена подойдет – как раз начнет темнеть... то есть продолжать наблюдение будет уже нецелесообразно. Как показала практика, все деловые визитеры посещают Руденко до шести часов вечера, в рабочее время. То ли свое личное время экономят, то ли какого-то регламента придерживаются, поди разберись...

Спустя всего лишь полчаса оказалось, что Вася ошибся в своих прогнозах.

Костя доложил:

– Иномарка. Из города.

К усадьбе Руденко подъехал совсем новый «Ниссан». Никаких сигналов, никто из салона не выходит... Интересно! Вскоре из калитки показался сам хозяин, в накинута на плечи куртке, сразу сел в машину.

– Подъем, – я толкнул Васю, доложил Иванову о ситуации и сообщил номер машины.

– Никуда не поехали? – уточнил Иванов.

– Стоят на месте.

– Шестой, на связь.

– Слушаю, – раздался в рации голос Лизы.

– Пробей через своих.

– Поняла.

– Готовность номер один, – распорядился Иванов. – Наблюдайте пока. Надо подумать...

Да, сейчас у нашего вождя дилемма из серии: брать – не брать. Понятное дело, если сам вышел и сел в их машину – люди важные. Но домой этих важных он приглашать стесняется. За неделю наблюдения такого не было ни разу. Вывод?

– Хорошо встали, к воротам близко, – одобрил Вася, ощупывая плечевую кобуру. – На «таблетке» разогнаться по переулку и садануть им в бок. Все четыре двери – на хер, можно брать, как кутят...

С другой стороны: а вдруг не те, кого мы ждем? Навалимся сейчас, скрутим... А там какой-нибудь местный коммерс. Вот посмеемся! Спугнем Руденко, считай, вся работа насмарку...

Лиза сейчас названивает коллегам, чтобы через свою базу «пробили» номерок. Не успеет до конца разговора (читай, до момента, когда «гости» пожелают отчалить), придется садиться на «хвост» и пасти. То есть обе пары отрывать от основного объекта. А вдруг основной в это время куда-нибудь наладится? Вот сиди и думай...

– Машина владельца местного магазина автозапчастей, – доложила Лиза через несколько минут. – Армянин, не числится, не привлекался...

Ну, слава богу, можно расслабиться. Посредники наверняка приедут на своей тачке. Красть машину только лишь для встречи с Руденко – нонсенс. Овчинка выделки не стоит.

– Поехали дальше, – Вася опять полез под одеяло. – Только время на них зря потратили...

Где-то через час – снова:

– «Шестерка». Из города, – доложил Костя.

Вася недовольно пробурчал что-то и натянул одеяло на голову.

– А может, и не к нам, – успокоил я боевого брата. – Может, просто по улице...

К усадьбе полковника подъехала раздолбанная «шаха» не пойми какого окраса и остановилась у калитки.

– Ан нет, к нам... Какая-то сегодня нездоровая деловая активность...

Вышли двое парней, позвонили, стали ожидать.

Я взял бинокль, посмотрел. Парни молодые, славянского типа, дешевая одежонка, какие-то невыразительные лица, не отмеченные печатью интеллекта, мнутя скромно этак, как будто к большому дяде на поклон пришли, один в руках держит пакетик, в котором легко угадываются очертания пары бутылок...

– М-м-м? – поинтересовался Вася из-под одеяла.

– Вообще, странно, – поделился я своими соображениями. – Двое пацанов. Судя по всему – дембеля (напоминаю: ноябрь месяц на дворе, дембель косяком идет, у кадровиков – страда). Только я не понял, чего они к нему домой приперлись? Дома он вопросы решает только с солидной публикой...

Калитка открылась, показался Руденко – впустил пацанов. Были они совсем недолго, вышли без пакета, почетного провожания до самой машины не удостоились. На всякий случай я заснял их на камеру. Нет, нет, ничего подозрительного, просто по инструкции. Всех визитеров – в кадр, потом разберемся. А тому, что приперлись домой, есть масса вполне логичных объяснений.

– Скорее всего, писарчуки из штаба, – предположил я. – Или какие-нибудь «придворные» на посылках. Дембельнул пораньше, вот и пришли отблагодарить.

– Крысы тыловые! – выразился Вася под одеялом. – А нормальные пацаны в окопах до Нового года парятся...

Не прошло и пятнадцати минут, как моя рация выдала нездорово вкрадчивым голосом Кости:

– А вот эти – с трассы...

К воротам усадьбы Руденко подъехал трехсотый «мерс». Номера не различить, весь заляпан грязью.

– Оп-па... – Вася без всяких напоминаний выполз из-под одеяла и полез на переднее сиденье. – Вот они, гаврики...

– Ну что там у тебя, Седьмой? – требовательно поинтересовался Иванов.

– Минутку...

Так, теперь надо постараться безошибочно определить, кто есть кто. Я отдал Васе камеру, показал пальцем в сторону «объектов» – товарищ снимать не хуже меня умеет. Сам взял бинокль...

Из передних дверей «мерса» разом вышли двое кавказцев. Оба средних лет, на вид – матерые такие...

Один направился к калитке, стал звонить, второй принялся озираться по сторонам. Как мне показалось, воровато этак зыркнул, тревожно... И вообще это первая тачка за все время наблюдения, прибывшая с трассы «Кавказ»...

– Ты заснул там, Седьмой?!

– Да че тут думать? – пожал плечами Вася. – Сто пудов – они!

Из калитки показался Руденко. В бинокль я заметил, что он слегка изменился в лице, увидев, кто к нему пожаловал. Полковник коротко поздоровался с гостями, и все трое сели в салон «мерса».

- Думаю, это наши клиенты, – наконец, решился я. – По всем признакам – они.
- Ну и слава богу, – с облегчением буркнул Иванов. – Зашли?
- Нет, сели в машину. Вместе с «объектом».
- Очень хорошо. Берем. Вариант номер два. Как поняли?
- Понял, – подтвердил я.
- Вариант два, понял, – ответил Костя.
- Ну и ладушки. Внимание всем: поехали!..

Глава 2

Диверсант

Я не садист. Не маньяк-убийца. Я не испытываю наслаждения при виде смертельно раненного мною человека...

Читал про больших маньяков. У них, почти у всех поголовно, были приступы жажды убийства, связанные с геоклиматическими и иными природными отклонениями. Кто-то свирепел на ветер, кто-то выл на луну, а кто нож точил при перепадах атмосферного давления и в преддверии магнитных бурь.

Я далек от всего этого.

Сверхчеловеком себя не считаю. Это из разряда «тварь я дрожащая или право имею?». Меня никогда такой вопрос не занимал, потому что я отношусь к себе очень объективно и даже критично. Но и угрызений совести по поводу совершенных мною деяний не испытываю. То есть мальчики кровавые, равно как и девочки, по ночам мне не снятся. Потому что по ночам я обычно работаю. Впрочем, я и днем частенько работаю, так что вообще не снятся. Хе-хе...

Шутка. Поспать я не дурак, в любое время суток и в самых неподходящих для этого условиях, а работаю нечасто... А не снится мне ничего, потому что я умею управлять своей психикой. Вот в этом я точно мастер. Это большой талант, и дано такое далеко не каждому. Встречал я разных мастеров ратного дела, но таких, которых можно было бы назвать господами своей психики, видел очень немного. А вернее сказать, видел всего двоих – себя в зеркале и еще одного типа. Но тот вообще уникум по всем параметрам, так что его можно в расчет не брать.

Прошу не путать господство над своей психикой с умением владеть собою в критической ситуации. С последним у мастеров все в порядке, на то они и мастера. Чем в этом плане мастер отличается от просто специалиста? Знаете, как у нас бывает: учат человека специальной тактике – стрельбе в любых условиях, обращению со спецсредствами и взрывчаткой, разным хитрым приемам. Учат долго и кропотливо, тратят на него время и деньги. И вроде бы все он умеет, на зачетах показывает отличный результат, даже если условия максимально приближены к боевым...

Но вот попал он в район боевых действий – и началось! То кажется ему, что колонна движется быстрее, чем надо, и он раньше времени нажимает кнопку радиовзрывателя. То элементарно высчитать упреждение и поправку на ветер не может, потому что над головой пули свистят. То вообще, откроет огонь по дозорному отделению противника, поддавшись на дубовый солдатский прикол из серии «оба-на, попался!» (позже расскажу, что это такое), и тщательно продуманная засада летит к чертовой матери. И так далее и тому подобное, перечислять можно долго, потому что в любой военной ситуации отыщется удобное место для критической ошибки. Со временем ошибок становится меньше – опыт появляется, если не убили сразу, но ошибки все равно имеют место. И цена таких ошибок – твоя или чья-то жизнь, потому что война безжалостна к ошибающимся.

Самое смешное, что все эти неурядицы в критических ситуациях происходят из-за элементарной биохимии. И не только со специалистами ратного дела, но и вообще со всеми без исключения людьми. Даже если вы на войну не попали, все равно, хулиганы или какие-нибудь злые грабители хоть раз в жизни к вам приставали в темном уголке. Это ведь тоже критическая ситуация. Хе-хе...

Некоторые об этом не знают, но это факт, с которым не поспоришь: Природа-мать создала человека вовсе не для сидения за компьютером, поглощения пива у телевизора или плетения макраме. Нет-нет, идея была другая.

Человек был задуман, как БМВ – не «бумер», воспетый в одноименном фильме, а Боевая Машина Выживания. Человек планировался на роль универсального солдата, и Природа-мать с большим запасом дала ему все, чтобы он преуспел на этом поприще. Не буду перечислять преимущества человека перед хищниками других видов – есть товарищи, которые делают это более профессионально и с научным обоснованием. Для примера скажу лишь, что на моих глазах один тип среднего сложения, не знакомый с хитрыми приемами, но в совершенстве владеющий психотехникой, за семь секунд голыми руками убил напавшего на него стаффордширского терьера. Бедная псина даже укусить его не успела. В общем, задавил, помыл руки, пошел на кухню и доел борщ. Это он баловался за обедом, кость собачке швырнул. Кость неловко попала под плиту, собачка не могла достать, тип решил помочь, а стаффордшир истолковал это как-то превратно...

Так вот, человеку дали все, чтобы он преуспел в деле выживания. А он не преуспел. Скурвился под натиском эволюции. А чего? За мамонтом гоняться не надо, удирать от хищников – неактуально, отслеживать добычу – анахронизм, лежи себе на диване и читай газеты.

Поэтому нам, профессионалам ратного дела, на войне значительно легче и проще, чем основной массе, которую пинками согнали с дивана (выдернули из родного огорода, из-за компьютера или из институтского лектория) и швырнули в мясорубку кровавых забав. Мы – специалисты по выживанию.

Какова нормальная реакция обычного индивида на необычную военную ситуацию (читай – на внезапно возникшую реальную смертельную опасность)? В первую очередь, это резкое изменение химических процессов в организме. Типа, увеличение процента содержания железа. Когда в тебя в упор высадят пару магазинов, процент содержания железа ощутимо увеличивается, это и дебилу понятно. Хе-хе...

Но это необязательно. Это уже потом, если неправильно воспользовался природой даденным подарком. А вначале бывает примерно так.

– *Щелк!* – сработало что-то в черепе – кровь мгновенно сделалась густой, до отказа заполнила вены и потекла страшно медленно. Звук приближающегося мотора сел на четыре тона ниже и стал похож на отдаленный рев танкового двигателя (на полигоне слышал – там танки ездили).

– *По-е-ха-ли!* – протяжно скомандовал кто-то в голове.

Негнуцимися пальцами юноша обхватил гранату, рванул кольцо предохранительной чеки, высунул руку из трубы и, заученным движением пихнув стальное «яичко» на аллею, зажал уши и широко разинул рот.

– *И-и-ии!!!* – надсадным нескончаемым скрежетом завизжали тормоза – реакция у водителя была отменная, в секунду сумел рассмотреть невесть откуда свалившийся посторонний предмет и нажать на педаль.

Впрочем, спасти ситуацию это уже не могло.

– *Бу-бу-уххх!* – труба скакнула, ощутимо подбросив юношу, виски сдавило тисками, в ушах прочно поселился металлический гул, изгнав на время все остальные звуки.

– *По-шел!* – скомандовал себе юноша и принялся выламываться из трубы – страшно медленно, с неимоверным трудом преодолевая каждый сантиметр.

– *Анализ физиологии... Кровь!*

Да, кровь, зараза такая, подкачала. Раньше такого не бывало, даже на самых сложных практических занятиях. Кровь вдруг сделалась вязкой, загустела раз в десять против нормы и теперь очень медленно ползла по жилам, до отказа заполняя систему и грозя вот-вот превысить давление в какой-нибудь важной артерии.

– *Ту-дух! Ту-дух!* – натужно работало сердце, отдавая в виски...

Это вариант, когда человек впервые на деле. Все знает и умеет, но это его первый бой. И физиология его ведет себя соответствующим образом – описано все, как бывает в реальности.

А вот вариант с этим же человечком, но уже на второй операции. То есть в первый раз он не умер, баланс железа остался в норме. Хе-хе...

...Пока следовали от машины к крылечку, юноша героически боролся с самопроизвольно рванувшей вскачь физиологией и пытался сосредоточиться на обстановке.

Жирный запах шашлыка. Стекла помещения вибрируют низами. Товарищи внутри слушают музыку. Встречать никто не выскочил. Хорошее начало.

Во дворе трое. Слева от крыльца, метрах в пяти – мангал. Мужлан в переднике. Внешне безоружен, приветлив, зубоскален. Боец рядом, боец на крылечке. Оружия в руках нет, куртки оттопыриваются. Либо пистолеты, либо «УЗИ», или что-то из того же разряда. Матерые бойцы, взгляды волчьи – видимо, опытные и искушенные в ратном деле. Минус... Но, в любом случае, куртки застегнуты, мгновенно изготовиться не получится. Плюс.

Камера над входом. Сектор обзора ограничен – камера статична. Если встать на крыльце, прямо под ней, попадаешь в мертвую зону. Справа и слева по трети двора в сектор не влезают – в том числе и шашлычник с мангалом. Еще плюс.

Какой-то нездоровый стук, «красавицы» отчего-то не спешат, боец на крыльце до странности медленно разверзает пасть в улыбку... Что за беда? А, ну да – все понятно!

– Физиология – на место! Мы уже все из себя опытные, нечего тут...

Не хочет на место. Сердце прыгнуло в уши, кровь вязнет, медленно бия в виски, время резиново растягивается. Ноги как деревянные, каждое движение дается с заметным усилием. Но в целом ничего, деревянные – не ватные. Это существенно. В целом работать можно. Страх нет. Сконцентрировались на физиологии, контролируем параметры, не до страха...

Это я привел отрывки из книги одного проходимца. На мой взгляд, достаточно верное описание как первого случая, так и второго.

Если не вдаваться в подробности, можно сказать, что организм сам, помимо нашей воли и независимо от нашей цивилизованной сущности, реагирует на смертельную опасность. И реагирует очень правильно.

Да, а при чем здесь подарок, спросите вы. В чем суть подарка? Да сами посмотрите, если отбросить все лишнее, отчетливо вырисовывается основной принцип. Заложенный в нас природой древний механизм восприятия смертельной опасности (именно восприятия, а не реакции! Реакция на опасность – это уже ваше личное дело) значительно замедляет для нас течение времени. Можно сказать, перемещает нас в другое временное измерение. Тем самым, в сравнении с хищниками других видов, которыми в таких случаях руководит ограниченный набор рефлексов, нам дается великая поправка в виде предоставления свободы выбора своих дальнейших действий...

Уфф, много сказал, да? Ну что поделать, все-таки высшее образование за плечами, психологию учил в свое время, и не по Фрейдю и Изарду, а на практике, сугубо в прикладных аспектах. Так что иногда бывает – несет, как того хрестоматийного Остапа.

Для чего я приплел всю эту мишуру к основному контексту? Да чтобы наглядно продемонстрировать разницу между мастером и специалистом. Заметьте, об обычных нормальных людях, лишь на время адаптированных к войне (а таковых в районе БД большинство), здесь речь не идет. Мы рассматриваем две категории – мастеров и специалистов. Потому что здесь и далее речь пойдет обо мне, о тех, кто работает со мной, и тех, кто нам реально противостоит. А мы – все те, кто перечислен в предыдущем предложении, мы все немного отличаемся от обычных нормальных людей. И нормальному человеку некоторые вещи, изложенные далее, могут показаться дикими, в то время как для нас это обыденность...

Да, как раз вспомнил насчет солдатского прикола из серии «оба-на, попался!».

Наверное, все знают, что такое походное охранение, и не надо об этом напоминать. Если надо, то коротко, «на пальцах»: от основных сил, совершающих перемещение (или какие-либо другие телодвижения) в зоне БД, выделяется элемент боевого порядка, именуемый походным охранением. Например, от батальона – ГПЗ (головная походная застава) в составе взвода, а от роты – дозорное отделение. Лично мне обычно приходилось иметь дело именно с отделением, редко со взводом. Такова особенность локальных войн, у нас как-то все больше в составе батальонов и ниже перемещаются, полками не принято маршировать.

Задачей такого отделения является своевременное обнаружение затаившегося противника и предупреждение внезапного нападения на основные силы,двигающиеся несколько позади.

Как это на практике бывает: едет впереди основных сил БТР или «бардак» (БРДМ), на нем пять-семь охламонов. Прокатились, спрыгнули, осмотрели местность, старший по рации доложил «чисто», поехали дальше. В наиболее удобных для устройства засады местах (сужение дороги, ущелье, густая непросматриваемая «зеленка» и так далее) – исключительно пешком, обшаривая взглядом каждый квадратный метр.

Однако, смотри не смотри, но, будь ты хоть Финистом Ясным Соколом или последним из могижан семи пядей во лбу, обязательно что-нибудь пропустишь. Потому что засады на такие силы, что могут выставить боевое охранение (а значит, это не обычная тыловая колонна в три-четыре машины), как правило, устраивают специалисты, люди, для этого дела подготовленные, обученные и имеющие определенный опыт в этой сфере. Люди эти, добавим, воюют на своей земле, знают местность как свои пять пальцев. А те, что в дозорном отделении идут, – «гости». Это уже из личной практики: если засада подготовлена правильно, то основные силы начинают организованно умирать как раз после очередного доклада «чисто» – минуты через три. Ну, может, через пять-семь. Это уже зависит от того, с какой скоростью они двигаются вслед за походным охранением, преступно прозевавшим затаившегося врага.

Опытные вояки все это прекрасно знают и, чтобы избежать печальной участи своих предшественников, придумывают разные уловки. Наиболее распространенные и не требующие особого напряжения извилины – это «профилактический» прострел подозрительных участков и вот это «оба-на!». Многим военным профи прострел кажется самым эффективным средством борьбы с засадами, едва ли ни панацеей. Нашпиговал окрестные кусты свинцом и гуляй себе дальше. Если кто-то прячется, есть большая вероятность задеть его или просто спровоцировать на ответный огонь.

Это и в самом деле работает, но только с дилетантами. Те, кто делает засады регулярно, в курсе всех этих приятных мелочей и потому в первую очередь заботятся о своей безопасности, страхуясь от разных случайностей. Ложатся за бугорок, на обратные склоны или, если это невозможно, хорошенько окапываются. Метр земли-матушки – надежный гарант от любого носимого автоматического оружия.

А вот «оба-на» срабатывает значительно чаще. Бывалый дозорный командир, не найдя в удобных для засады местах внешних признаков вражьего присутствия, иногда делает вот что. Прежде чем выдать по рации очередное «чисто», выведет ствол в горизонт, мотнет им вправо-влево градусов на тридцать (сектор воздействия заметно увеличивается, чем если просто стоять или ткнуть пальцем в одну точку) да как рявкнет: «Вот он, сука!!!». Ну или еще что-нибудь из этой же оперы.

Смешно? А знаете, что многие клюют на это – и даже порой опытные специалисты? Вроде бы все знают о таком приколе, и все равно – бывает. Лежит себе засадник, грамотно зарытый, со всех сторон упакованный, крохотная щель для наблюдения оставлена... А как рявкнет тупоголовый сержант, нервы не выдерживают – кажется засаднику, что конкретно на него смотрят и персонально в него сейчас начнут садить в семь стволов! Ну и валит он этого крикуна, который, по сути, камикадзе работает. И летит к черту тщательно продуманная засада...

Так вот, разница между мастером и специалистом в том, что мастер всегда с ювелирной точностью использует подарок природы для организации своих действий на поле боя. То есть принимает единственно верное решение в сложившейся ситуации. И будьте уверены, раньше времени из лежки не выскочит.

А специалист, увы, это всего лишь хорошо обученный боец, не обладающий интуицией мастера. И потому подарком он, конечно, пользуется эффективнее, чем иные воины с меньшим опытом... но с переменным успехом. Грубо говоря, через раз. Раз все в полном объеме, раз – немного недотянул. А раз на раз, как известно, не приходится, смотри выше насчет ошибок на войне.

Ну вот, с мастерами, специалистами и подарком природы разобрались. Считайте это моим портфолио, как сейчас модно называть подобное, или просто рекомендациями.

Я диверсант. Специализация – автономная работа в глубоком тылу противника. Что? Нет, это не шутка, я в курсе, что сейчас не сорок третий и пускать паровозы под откос уже не надо. Паровозы – это анахронизм. Это как раз забава дилетантов. Посмотрите внимательно – вокруг полно более достойных объектов для моей работы.

Несмотря на сравнительно небольшой жизненный цикл (мне двадцать семь лет), за моими плечами солидный боевой путь и немало успешных операций. Как на той, так и на этой стороне...

Позже вы поймете, что я имею в виду, говоря насчет сторон, а пока – пара слов об умении управлять своей психикой.

Я ведь недаром упомянул о том, что встречал очень немного людей, умеющих на сто процентов управлять своей психикой. Хороший результат, когда человек умеет делать это хотя бы отчасти. И напротив, сплошь и рядом я наблюдал обратную картину. Например, как после особо «памятных» рейдов внешне феноменально здоровых и монументально спокойных бойцов трясет в припадке: они плачут, катаются по земле, вопят с пеной у рта или хохочут как сумасшедшие.

С точки зрения стороннего наблюдателя, этот аспект может показаться несущественным. Есть психиатры, пусть занимаются. Кто не желает к психиатру, есть транки, наркотики, водка.

Но это очень существенно с точки зрения тех, кому приходится работать рука об руку с такими людьми, которые не справляются с собой хотя бы даже частично. Это, знаете ли, чревато, непредсказуемо и очень опасно. Нам и так несладко приходится, а когда твой напарник в самый ответственный момент внезапно «слетает с катушек» – тут уж извините...

Вся эта беда имеет достаточно простое объяснение. И знать это надо не просто для общего развития, а для того чтобы правильно работать над собой.

Вкратце суть вот в чем. Инстинкт убийства заложен в каждом из нас издревле. Человек убивал направо и налево, и не потому что такой гад, а просто для того, чтобы покушать. Короче, валял все, что движется. Все – кроме представителей своего вида.

Все заповеди типа «не убий», общечеловеческие принципы и постулаты, внушаемые каждому из нас с детства, – все это полная фигня в сравнении с природным запретом, который генетически передается из поколения в поколение. «Не убей себе подобного» было заложено в основание мировоззрения хомо прямоходящего мудрой природой вовсе не в угоду каким-то там надуманным принципам человеческого общежития и гуманизма. Принципы эти появились значительно позже, и природа о них вообще понятия не имеет. В природе все устроено исключительно по принципу целесообразности. Если присмотреться повнимательнее, в природе нет ничего лишнего. Все, что существует, так или иначе взаимосвязано с другими составляющими окружающего мира и обязательно имеет какое-то практическое применение. Как в хорошо отлаженном механизме.

А просто было мало прямоходящих, вот что. Каждый – на вес золота. А факторов и условий, способствующих скоротечной кончине хомо, было хоть отбавляй. Вот природа и распоря-

дидась: создала на генном уровне табу. Мяса вокруг навалом, колбась кого хошь, а «двуногих без перьев» – ни в коем разе!

Показательно, что питекантропы и неандертальцы – те виды homo, которые по каким-то невыясненным причинам пренебрегли этим табу и ударились в каннибализм (жрали, короче, друг друга!), очень быстро передохли, уступив место кроманьонцам, которые по сути являются нашими предками. Кроманьонцы друг друга не хавали, поэтому они и жили долго и... Нет, почитав историю, не скажешь, что долго и счастливо – какое тут, на фиг, счастье! Но факт – жили долго и нескучно.

Теперь это табу – анахронизм, потому что расплодилось нашего брата немерено и угрозы существованию вида нет.

Но табу осталось, и мы с ним живем себе помаленьку. Очень обидно, что от нашего сознания и мировоззрения это не зависит. Мы не вольны соучаствовать в этом либо, напротив, препятствовать этому. Это просто автоматически дается нам по праву родовой принадлежности к видовой группе. По сути насильственно вшивается в нашу подкорку, как идентификационный номер в фантастических фильмах.

Поэтому любого диверсанта-головореза, если только он не болен на всю голову (а такие среди нашего брата попадаются крайне редко, поскольку специфика деятельности предполагает наличие холодного здорового ума), всю его сознательную жизнь сопровождают проблемы психического характера. Не морально-нравственного – это все чушь и наносное, – а именно психического. Проблемы эти вызваны тем самым, внешне незаметным и никому не подконтрольным природным табу...

– Вот, собственно, и все. Лекция окончена.

– Ну ты... Ну вообще – профессор! Ты где всего этого набрался?!

– Да так... Отовсюду помаленьку...

– Ну, давай за это...

– Погоди, Ильяс... Ты что, хочешь сказать, что ты можешь отключать вот это... ихх! Ой, блин... ну, в смысле – табу...

– Табу? Нет, это нельзя «отключить». Я же сказал, это нам неподвластно... Но можно отключить свою психику. Отключил, сделал дело – опять включил. И живи себе спокойно дальше, как ни в чем не бывало. Никаких тебе припадков, кошмаров и тому подобных заморочек...

– Никаких?

– Абсолютно.

Артур призадумался, а Ильяс покачал головой и хмыкнул.

– Извини, братишка... Но, по-моему, ты гонишь.

И смерил меня взглядом, совсем не характерным для сильно пьяного. Ильяс и Артур – оба из нашей когорты, прекрасно знают, что бывает после рейда даже с опытными бойцами.

Да, забыл сказать. Это я не просто перед вами распинался, умника из себя корчил, а действительно читал лекцию своим бойцам. Посвящал их в кое-какие детали, которые в самое ближайшее время предстоит обкатать на практике.

Нас тут шестеро. Сидим в номере дешевой гостиницы, седьмой час кряду жрем водку. Большое испытание для организма, не хуже двадцатикилометрового марш-броска с полной выкладкой.

Вернее сказать, сидим мы четверо: я, мои бойцы, Артур и Ильяс, и наш новый «кореш» Андрей. Еще двое уже давно отрубались, пластами валяются на койках. Андрей и его дружки – со Ставрополя, из казачьей станицы. Они контрактники, приехали выбивать в местной дивизии свои «боевые». Получается у них не очень, есть мысль ехать в Ростов, там вроде бы контрактники собираются проводить всероссийскую голодовку по данному вопросу.

Насчет бухла эти хлопцы очень тренированные, просто мастера. А мы даже не специалисты. Это не наш профиль. В норме не им, а нам бы давно уже валяться, но мы приняли специальный препарат. Утром нам будет очень плохо: препарат не способствует нейтрализации алкоголя, а всего лишь, если выразаться попросту, не дает организму пьянеть. То есть яд беспрепятственно всасывается в кровь и работает в полном объеме.

Но сейчас мы красавчики. Перепили могучих ставропольских казаков, скорешились с ними дальше некуда, выкачали массу полезной информации, на добычу которой в ином случае потребовалась бы как минимум неделя. Самый мелкий, но, как ни странно, самый выносливый из них – Андрей, пока не падает, но уже ничего не соображает. Сидит, уставившись в стену стеклянными глазами, временами глупо лыбится и изрекает невпопад:

– Да, еб... Это уж точно...

– Что значит – «гонишь»? Ты хочешь сказать, что не веришь мне?

– Я хочу сказать, что ты гонишь. Нет, ну ты сам подумай: захотел – отключил, захотел – включил... Ты что – аппарат, что ли?

– Ну, может, я немного забуксовал в терминах. Но в целом так оно и выглядит. Сейчас я покажу. Вот смотри. Вот видишь – Андрюха...

Я похлопал по плечу сидящего рядом со мной Андрея.

– И что? – Ильяс, сидевший напротив Андрея, внимательно посмотрел на него, не обнаружил ничего для себя нового и с недоумением пожал плечами.

– Нормальный парень, симпатичный. Лично против него я ничего не имею. Более того, мы с ним как-то даже похожи. Оба всю жизнь на войне, к обоим судьба была неласкова...

– Да, еб... это уж точно! – неожиданно в тему вставил Андрей и перевел стеклянный взгляд на свой стакан. – Нали-и-вай!

– Документы их нам не нужны, у нас свои в порядке. Светиться нам сейчас – смерти подобно. Правильно?

– Я что-то не врубился, к чему, вообще, весь этот базар...

– Встаньте оба и отойдите в сторону. А лучше вообще встаньте сзади меня.

– Зачем? – с удивлением вскинул бровь Артур.

– Тебе, братишка, лучше прилечь, – Ильяс саркастически хмыкнул. – По-моему, тебе хватит...

– Нет, я не понял – зачем нам надо...

– Затем, что кровью забрызгает.

Я встал со стула, сделал шаг за спину Андрея и положил левую руку ему на голову. Затем выдернул из внутреннего кармана свой боевой нож и одним движением располосовал казаку горло.

– Бульк!

Точно, забрызгало. Не с ног до головы, но по пояс – точно. Когда вскрывают артерию, в первый момент брызжет метра на три и более.

Андрей умер, так и не поняв, что с ним случилось. Хорошая смерть, легкая и безболезненная. Ни тебе пыток, ни отчаянных воплей, ни конвульсий. Многие из тех, что имели со мной дело, о такой смерти просто мечтали...

* * *

– Ты... Ты че, совсем е...нул, придурок?!

Это Ильяс. У Артура вообще слов нет, рот разинул, смотрит на меня и глазами хлопает.

– Вам какую задачу поставили?

– При чем здесь задача?! Ты вообще думаешь, что делаешь?!

– У вас проблемы со слухом? Я спросил, какую вам поставили задачу...

Ильяс смотрит на меня с прищуром, по-особому. Во взглядах я немного разбираюсь. Я не психолог, конечно, но мне частенько доводилось бывать в ситуациях, когда на меня бросались люди. И не для того, чтобы обнять, а совсем наоборот.

Ильяс сейчас вполне готов на меня броситься. Артур вытирает кровь с лица рукавом тельника, сомневается, не понимает еще, как себя вести в данной ситуации.

А Ильяс готов. Не обязательно насмерть, а просто – отшлепать засранца.

Я, вообще, не богатырь. Среднего роста, худощав, у меня лицо чуть ли не детское. Этакий румяный застенчивый десятиклассник. Ильяс рядом со мной – Терминатор. Человек, незнакомый с нашей спецификой, уверенно скажет, посмотрев на нас: убьет одним ударом. То есть Ильяс меня убьет.

Но Ильяс в специфике разбирается. Он прекрасно знает, что командиром ДРГ (диверсионно-разведывательной группы) первого попавшегося ботаника не поставят. И его не обманешь внешней хрупкостью противника.

Даже если не брать в расчет то, что я командир, за мной сейчас явное преимущество. У меня в руке отличный боевой нож, а оружие Ильяса и Артура в дорожных сумках. Я только что с небывалой легкостью, хладнокровно убил человека, совершенно мне не угрожавшего, которому вроде бы даже симпатизировал. То есть я готов действовать так и далее... и нетрудно догадаться, как я поступлю с человеком, который будет мне хоть чем-то угрожать.

Кроме того, как я понял, Ильяс тоже неплохо разбирается во взглядах и прочих составляющих конфликтной ситуации. Мой взгляд сейчас излучает спокойствие и непоколебимую уверенность в том, что я прав.

– Если хочешь напомнить, что ты командир, так и скажи. Только зря стараешься. Мы все прекрасно помним: ты командуешь, мы подчиняемся. Ты лучше скажи, за каким х... ты тут всю эту х... устроил?!

Пока Ильяс мне нравится. Хороший боец, быстро соображает. Ситуацию оценивает правильно. Артур немного потуже. До сих пор рот ни разу не раскрыл, застрял на фазе недоумения. Но ничего, посмотрим, как будет дальше.

– Ты там одно слово упустил.

– Какое слово?!

– Вы не просто подчиняетесь, а – беспрекословно. Правильно?

– Да ну, какая, на хер, разница?! Это сейчас при чем? Ты лучше скажи мне, командир, бл..., как мы сейчас будем...

– Разница есть. Очень существенная разница между «подчиняться» и «беспрекословно подчиняться». Если непонятно, напомню: подчиняться – это «после долгих уговоров, угроз и обещаний они согласились выполнить его распоряжение». А беспрекословно – это не задумываясь, мгновенно, как по команде «ложись!», когда прилетела граната противника. То есть кто не выполнил команду – труп, все это прекрасно понимают, поэтому выполняют молниеносно.

– Нет, ты скажи, что мы сейчас с этим будем...

– Я скомандовал отойти к стене. Вы не выполнили команду.

– Но мы же не на операции, – прорезался, наконец, Артур. – Мы просто сидели, бухали...

– Мы на операции. Каждую минуту, даже секунду нашего нахождения здесь мы на операции. Поэтому на будущее: внимательно слушайте команды. Все просто, братья мои. Я дал простую команду. Если бы вы ее выполнили, были бы сейчас чистые. А я бы и не стал ему горло резать. Просто кольнул бы в сердце и все. И не пришлось бы вам тут убирать.

– Нам?! Убирать?!

Ильяс презрительно скривился, оттопырил нижнюю губу и сделал «пффф!». Красноречивый жест из серии «пошел ты в жопу со своими приказами». Артур укоризненно покачал головой и посмотрел на меня, как на слабоумного.

– Чего тут убирать? Свалим сейчас через окно и всех делов. Нас никто не видел...

– Нет, братья мои. Из этой ситуации есть только два выхода. Первый – сложный и трудоемкий: вы вдогонку валите вот этих двоих, прячете все трупы – это ваше дело, где и как, – и наводите здесь идеальный порядок. Второй – очень простой: я снимаю вас с операции и отправляю обратно. Подожду, когда пришлют других бойцов. Вот и все. Времени на размышление – минута...

Нет-нет, не торопитесь с выводами: если кто-то все же подумал, что я маньяк или просто маскирующийся садист, это заблуждение.

Я этих ребят не знаю. Они меня тоже, как, впрочем, и друг друга. Нас свели вместе буквально накануне заброски в тыл противника и отрекомендовали: вот бойцы, прошли огонь, воду и все такое прочее, вот командир – мастер, подчиняться беспрекословно. Так было задумано, и для предстоящей нашей деятельности это очень правильное решение.

Но я не привык слепо полагаться на людей, которых не знаю. Любой благоразумный человек даже деньги свои не доверит тем, кого плохо знает, не говоря уже о чем-то более ценном, типа здоровья или жизни. А в нашей работе это вообще непозволительная роскошь, зачастую сопряженная со смертельным риском.

Мне нужно просто проверить их «деловые качества». Нам очень скоро предстоит заниматься такой дрянью, что даже не всякому головорезу по плечу. Поэтому мне надо посмотреть, как мои бойцы убьют двух беззащитных людей. В том, что у них есть опыт убийства себе подобных, я ни капли не сомневаюсь – других мне просто не дали бы. Но тут есть небольшие нюансы.

Одно дело – убить врага в бою. Неважно, как: выстрелом в упор, подкравшись сзади, ножом, гранатку бросить... Это ведь все в горячке схватки, когда твоей жизни реально угрожает опасность и все вопросы бытия сводятся к самому простейшему: «кто быстрее?»

И совсем другое дело, когда тебе приходится убивать совершенно беззащитного человека в обычной обстановке. Никакого адреналина, никакой опасности, есть задача и человек, которого надо убить.

Так вот, у некоторых, даже матерых, диверсантов в этом плане есть маленький пунктик. Они либо вообще не могут убить беззащитного человека, либо с огромным трудом преодолевают себя, когда приходится это делать. Это может показаться странным, но среди нашего брата (а с точки зрения обычных людей мы – моральные уроды) таких товарищей я встречал гораздо чаще, чем можно было бы ожидать.

А в этой операции мне такие товарищи совсем не нужны. Потому что убирать придется не просто беззащитных людей, а даже...

Впрочем, об этом несколько позже. Сейчас мне надо проверить, как мои бойцы ликвидируют двух беззащитных мужчин. Никаких экспромтов и риска: сейчас ночь, времени навалом, мы на первом этаже, окно выходит в заросший кустарником двор... в общем, экспериментировать сколько угодно.

Кроме того, надо заодно отрегулировать отношения в звене «бойцы – командир». А то уж больно легкомысленно хлопцы относятся ко мне – скорее всего, из-за моей обманчивой внешности. У них же нет на руках специально подготовленного послужного списка, одно лишь чтение которого могло заочно внушить соответствующее уважение к моей внешне невзрачной персоне. Хотя такого списка в природе и не существует. Хе-хе...

– Почему бы нам просто не свалить отсюда? Артур верно говорит – нас никто не видел...

– Три трупа. Не каждый день случается такое. Ну и что – никто не видел? Нам здесь работать. На фига нам лишняя активность органов в районе операции?

Насчет трех трупов никто даже не засомневался. Сослуживцы Андрея были приговорены автоматически, когда я решил его убрать.

– Ну ясно... Поможешь?

– Не-а. Сами. А я вон на ту коечку прилягу. Там чисто.

– Не понял... Мы что, собираемся здесь ночевать?

– Естественно.

– Зачем?!

– А попробуй сам. Быстренько, пораскинь мозгами.

Ильяс смотрит на меня тяжелым взглядом, в котором легко угадываются разные желания насчет моей невзрачной персоны. Думать не хочет. Зачем лишний раз мозги напрягать? Одно дело, когда надо быстренько прокачать оппонента в критической ситуации – тут все работает на уровне автоматизмов. И совсем другое, решать логические шарады в перспективе неприятной физической работы, которой, в общем-то, специалистам такой квалификации заниматься не пристало.

– Вот поэтому я командир, а вы – бойцы. Были трое контрактников и вдруг исчезли. Это, опять же, может кое-кого заинтересовать. А нас тоже трое. Заночуем, завтра спокойно выпишемся, и все – проблема снята.

– Они тут уже целый день. Думаешь, их не запомнили?

– Расчетный час в двенадцать, – деловито вставил Артур, засучивая рукава. – Пересменка с девяти до десяти. Выписываться лучше всего в одиннадцать: новая администраторша и новая дежурная по этажу, они их не видели.

– Вот так все просто, – я одобрительно посмотрел на Артура и спихнул с облюбованной кровати товарища, который через пару минут будет трупом. Товарищ промычал что-то нечленораздельное и, свернувшись калачиком на полу, продолжал дрыхнуть. – Ну что, вы определились?

– Ладно, мы займемся этим, – Ильяс шумно вздохнул и покосился на меня. – Говоришь, если бы мы сразу выполнили команду, не стал бы горло резать?

...А я и не сомневался. Они оба прекрасно знают, что их ждет за неповиновение. Наказание одно, приговоров никто не выносит, а бежать просто некуда. Достанут везде. Сами себя загнали в капкан, что поделаешь.

– Естественно, не стал бы. Зачем нам лишняя грязь?

– Ну ты суров, командир... Значит, все с полпинка выполнять, как «ложись!» при броске гранаты... Хм... Значит, сурово наказал нас?

Ильяс саркастически щерится, но его ухмылка выглядит натянутой. Он уже оценил объем работы. Спрятать три трупа едва ли не в центре города, пусть даже и ночью – это еще та задачка!

– Наказал, но не сурово.

– Не сурово?!

– Нет. Вы оба живы. И здоровы...

Глава 3

Сергей Кочергин. Куда вы, полковник?

5 ноября 2003 г. Пятигорск

...По команде «поехали» мы тут же дисциплинированно стартовали, без всяких пауз. Машина прогрета, периодически включаем, топим салон.

Вариант номер два – это захват вне усадьбы. С Урицкого выскакивает «таблетка» Иванова, поворачивает направо и ломится к усадьбе Руденко. Мы пристраиваемся к ней борт в борт, ограничивая противника в свободе маневра (проще говоря, растопыриваемся парой на всю проезжую часть, фиг обогнешь). «УАЗ» второй наблюдательной пары заезжает с проспекта и перегораживает основной маршрут выдвижения объекта. Вот и все, больше никаких затей. В нашем деле – чем проще, тем лучше. Меньше шансов напортачить.

Из-за поворота выскочила «таблетка», с большим заносом (сыро – жуть! – да и Петрушин за рулем...) и с зубодробительным скрежетом тормозов завернула направо.

– Пристраивайся сбоку! – скомандовала рация голосом Иванова. – Четвертый, поднажми – я тебя пока не вижу!

Я повернул влево, быстро нагнал «таблетку», и мы дружно помчались вниз по улице.

– Четвертый, это Костя. В самом деле, пора бы его «УАЗу» уже нарисоваться...

Подлетели почти вплотную, начали тормозить, приготовились спешиваться...

В этот момент грязный «мерс» стартовал с надсадной пробуксовкой и рванул к проспекту. И увез Руденко!

– За ним!!! – рявкнул в рации Иванов. – Четвертый, ты где?!

«Мерс» беспрепятственно проскочил до проспекта и свернул налево, к выезду из города.

– Да заглох, блин! – пожаловался в эфир Костя. – Проклятый металлолом!

– Уроды, – оценил ситуацию Вася. – Вроде башка такая большая... а руки из жопы растут.

Одно слово – головастики...

Мы выскочили на трассу и погнались к выезду. Но без особой надежды. Не на наших железках за таким зверем гоняться. И точно, «немец» сразу пошел в отрыв, стремительно удаляясь к выезду.

– Уйдет, – покачал головой Вася. – Мы ж, блин, конспираторы, даже с гаишниками связи нету...

Утешало одно: этим дурацким побегом Руденко сам себя сдал. А достанем мы его в любом случае. Не уйдет же товарищ в горы!

Дальнейшее поведение наших убегантов было странным: если учесть, что они действительно «духи».

Нормальные «духи» сейчас должны соскочить с трассы и «огородами» убираться из Пятигорска как можно дальше. Тут арифметика простая: дальше по трассе усиленный пост милиции, с бронетехникой и бетонными блоками. Мы, если пасем их, по идее обязательно должны предупредить товарищей на посту. А еще им надо как следует попетлять, заматавая следы, и обязательно поменять тачку...

«Мерс» неожиданно остановился у придорожного базарчика, метрах в трехстах от поста. Двое выскочили из машины и бросились к торговым палаткам.

Куда это вы, красавцы?! Тачку менять? Глупости. Тут ровно, как стол, растительности и строений нет, за версту видно, кто на чем выезжает.

– Ага! – кровожадно пробурчал Вася, вываливаясь из машины еще на ходу – я едва начал притормаживать.

– Хотя бы одного – живьем! – напомнил по рации Иванов. – Оружие не доставать, держать наготове. Нечего людей пугать, чай, мирный город...

Я выскочил из машины и припустил вслед за более расторопными Петрушиным и Васей. Иванов с Глебычем деловито вцепились в полковника Руденко и потащили его из вражьей машины на свет божий. Краем глаза я отметил, что наш фигурант выглядит так, будто совсем не соображает, что, вообще, с ним сейчас происходит. Только что был дома, в шлепанцах и трико, а тут – на тебе, тащат...

Все получилось быстро, но шумно. Мы с Васей, как приличные люди, бежали по переходам, огибая палатки, а двадцатикилограммовый Петрушин двигался кратчайшим путем. Вот я не додумался тогда – это надо было снимать на камеру! Наш ходячий танк снес все лотки, что попались на пути, опрокинул пару нерасторопных торгашей, не успевших увернуться, но к финишу прибыл раньше всех.

На финише были две грузовые фуры, и еще четверо кавказцев сугубо дальнбойного обличья. Все такие дородные и мясистые, под стать «гостям» Руденко.

Владельцы фур, люди житейски опытные, на нашу нездоровую беготню отреагировали адекватно: один начал наматывать на руку ремень, а трое разом принялись засучивать рукава. А «гости», добежав до фур, развернулись и, тяжело отдуваясь, стали расстегивать куртки. В их светлых очах была отчетливо оформлена мысль: «Ну вот, теперь и поговорить можно!»

Характерная деталь: оружия ни у кого из них не было. Или до ужаса продуманные «духи», или...

И даже ведь к монтировкам руки не тянулись! Зрительный фокус – на Петрушине, в глазах предвкушение легкой победы. Их шестеро, все крепыши, а у нас только Петрушин богатырь. Я просто длинный и худой, а Вася вообще... короче, вы в курсе.

– Ну, спасибо! – Петрушин даже зажмурился от удовольствия. – Отдохнем, братие...

Отдыхали мы разухабисто, но недолго. Спустя двадцать секунд все шестеро были водворены лицами в грязь. Еще минута ушла на «доработку», обычную в таких случаях возню, когда клиента не ломают наглухо, а просто роняют для профилактики. На месте происшествия царил деловитая суэта: публика подтянулась – сочувствующие и праздные наблюдатели. Вася сноровисто окольцевал запястья «гостей» наручниками, я без особых осложнений объяснился с оперативно прибывшими для разборок «крышующими» точку ментами (ксива, «террористы», секретная операция, ваше начальство в курсе!).

Менты сообщили, что вот этих четверых, с фурами, они знают. Это дагестанцы, катаются тут не первый год, все в завязках с деловыми людьми, считай, практически местные.

А вот этих двоих?

Нет, этих не знаем. Впервые видим.

Дагестанцы предъявили документы, спокойно дали себя обыскать и позволили произвести досмотр фур. По поводу соучастия пояснили – не знаем, кто такие. Просто ситуация так сложилась: видим, злые военные бегут за земляками... Сами подумайте, как настоящий мужчина должен поступить в такой ситуации?

Ну и ладно. Дагестанцев переписали, под честное слово отдали стражам порядка, вытребовав клятвенное обещание (не у дагестанцев, а у стражей – судя по всему, они этих товарищей очень конкретно «кроют») в течение суток не покидать город. Мало ли, вдруг пригодятся?

В общем, дагестанцев отпустили, а «гостей» забрали, вместе с «мерсом» и полковником Руденко в нагрузку.

Руденко был в трансе. За каким чертом «гости» от дома увезли? Ничего не понял! Сами бросились удирать – ладно, могли на что-то рассчитывать, в конце концов, это их личное дело... А его-то зачем? Ему ведь все равно деваться некуда!

«Пленные» смотрели зверем, общались больше через «не хочу», и то, только ввиду присутствия убедительного Петрушина. Назвались аварцами, на «чехов» не велись, документы у них были в полном порядке. Зачем приехали? Просто в гости. Хороший человек, решили заехать, «уважение сделать»...

К сожалению, проверить факт национальной принадлежности прямо на месте не представлялось возможным. Знакомых аварцев поблизости нет, а дагестанцы с фурами отпадают – если не соучастники, то как минимум сочувствующие.

Руденко был бледен, на «просто в гости» нервно дернул личиком и судорожно вздохнул.
– Ну-ну...

Петрушин многозначительно крикнул и посмотрел на Иванова. Во взгляде спецназовца легко читалось типичное для такого случая предложение: ближайший пустырь, плоскогубцы, десять минут – полный расклад...

– Вот еще! – Иванов пренебрежительно хмыкнул. – Была нужда возиться... Сейчас доставим в контрразведку, там с ними займутся. Расскажут все как миленькие. И даже то, чего никогда не знали...

* * *

Иванов тут же позвонил на мобильный своего старого приятеля – подполковника Братковского (это начальник дивизионной контрразведки) и вкратце посвятил его в суть дела. Братковский кочевряжиться не стал и с ходу вписался в процесс. Нет, я не слышал всего разговора, но Иванов общался с приятелем буквально минуту, обещал совсем мало, а в конце беседы удовлетворенно пробурчал:

– Ну, молодец. Вот за это – люблю...

По дороге подобрали безрукий экипаж № 2 – посадили их в трофейный «мерс», который конвоировал Петрушин, а Глебыча оставили ремонтировать «УАЗ». Бледнолицый Руденко попросил заехать домой, переодеться. Показалось ему вдруг, что в таком затрапезном виде неприлично появляться на территории родной дивизии. Напомню, контрразведка у нас располагается в городке дивизии.

В этой просьбе преступнику было отказано, и не потому что Иванов вредный сатрап, а просто в силу оперативных соображений. Пусть пока родня пребывает в приятном неведении.

Преступник опасался напрасно, никто из подчиненных («бывших» пока не скажешь, еще ведь все доказать надо и довести дело до суда) его не увидел. Контрразведка, в соответствии со старой доброй традицией, размещается в здании дивизионного узла связи. А узел примостился на задворках, рядом со вторым КПП (транспортным). Показали удостоверение, дежурный уже был в курсе – Братковский предупредил насчет нашего приезда, пропустили нас без проблем. Проехали тридцать метров, встали в тупичке, между входом и глухим забором – добро пожаловать в родные пенаты, товарищ в домашних тапочках. Никто и не смотрит...

Задержанных передали коллегам Иванова, которые уже потирали лапки в предвкушении неурочной работенки и каких-то там лавров (наш вождь обещал приятелю поделиться успехом, коль скоро таковой воспоследует вообще).

Иванов просил коллег не стесняться и проявить в ходе беседы всю широту легендарной чекистской задушевности. Коллеги обещали – не подведем. После такого дружеского напутствия мы оставили дивизию и в полном составе выдвинулись на предателеву дачу. Давно, давно руки чесались, да все никак нельзя было – как бы не спугнуть гада! А теперь можно. Теперь мы там разберем все до последнего винтика...

Дед, охранявший дачу, слова против не сказал. Никаких постановлений ему не понадобилось (а у нас и не было), видимо, сам бывший военный. Как только увидел нас – сразу все понял.

– Ага! Значит, правильно я думал. Откуда бы все это у простого вояки? Значит, ворует и не делится...

Деда разубеждать не стали, а Лиза в порядке ознакомления поинтересовалась, сколько Руденко платит за охрану своей собственности. Сторож было насупился, но Лиза успокоила: вопрос праздный, к теме отношения не имеет, деньги отнимать никто не будет.

– Пять тысяч, – сообщил дед и сокрушенно вздохнул. – Да, работа была – не бей лежачего. Ну теперь-то уж все, накрылось оно медным тазиком...

– А я вот не могу позволить себе такую роскошь, – сурово заметил Иванов. – В смысле – наемного сторожа за пять штук. Хотя тоже полковник и получаю даже больше.

– Да, это полноценный оклад зрелого прапора, – согласился Петрушин. – Ну не падла ли?

– А тут дама, – напомнила Лиза.

– Ну, извиняюсь. Но разве не скотина, а? В то время, как вся страна по уши в поту и в дерьме, по колено в крови...

Разбирать по винтикам ничего не пришлось. Скрепленных винтиками деталей не было, кругом залежи свежих пиломатериалов. Если перекладывать штабеля, возились бы неделю. Спасибо, сторож подсказал:

– Если ищите чего, так вон, в столярке. Он, как приезжал, всегда туда нырял...

На двери столярной мастерской, которой в ближайшем будущем (или теперь уже не в ближайшем?) предстояло стать флигелем во дворе большой усадьбы, висел здоровенный амбарный замок. Так-так, это уже интересно. Для чего замок, если тут сторож круглосуточно?

– И что там? – спросил Иванов у сторожа.

– Понятия не имею, – пожал плечами дед. – Окна заставлены изнутри, заперто, никаких отдельных инструкций на этот счет не было...

С могучим замком возиться не стали – Петрушин просто вышиб дверь плечом и пригласил всех входить. Ну и ничего там особенного не было. Верстак, небольшая циркулярка, плиты ДСП у стен... Осмотревшись и простукав стены и пол, довольно быстро обнаружили спрятанный под половицами ящик из-под выстрелов к «РПГ-7».

– О! – обрадовался Вася. – Вот оно!

Ящик был забит под завязку завернутыми в целлофан папками, в которых аккуратно хранились чистые бланки различных официальных бумаг.

И чего там только не было! Наградные листы, представления на фирменных бланках, удостоверения ко всяким разным нагрудным знакам, типа «За отличие в службе» всех степеней, сами знаки, в картонных коробочках и промасленной бумаге, отпускные билеты, командировочные, различные накладные на все виды военного имущества, предписания, временные бланки разрешений на право хранения и провоза чего-то там и еще пара десятков наименований других приятных мелочей. Все с печатями и штампами – ставь номера исходящих, подписи и готово дело.

– Да, дела... – озабоченно почесал макушку Иванов. – Ищите, хлопцы, ищите. Должно же оно где-то быть...

Искали со всем тщанием, перевернули мастерскую верх дном, все плиты вытащили на улицу, доски отовсюду отодрали... «Оно» как будто растворилось в воздухе. Опросили сторожа, тот подтвердил: нет, кроме столярки, никуда не заходил. Вы сами посмотрите, и так видно...

Да, видно. Кроме столярки, тут и прятать негде. Сторожка – крохотный сарай два на два, с топчаном и самопальной печкой. На всякий случай осмотрели, сторож не возражал.

Осмотрели для очистки совести и территорию, сделали вывод, что с началом сезона дождей тут никто ничего не трогал и вообще, мимо тропинки не ступала нога человека. И понятно, что такие вещи совать в штабель досок никто не будет.

А что совать-то? Да все те же документы, удостоверяющие личность и дающие право беспрепятственного передвижения в особой зоне, о которых говорилось десятком страниц ранее. Удостоверения личности, военные билеты, спецпропуска. В ящике запасливого кадровика было все что угодно, только не было там ни одного интересующего нас документа...

Тут очень вовремя позвонил Братковский. Обрадовал. Аварцы запирались не стали, быстренько раскололись. Гхм-кхм... Руденко обещал им за приличное вознаграждение перевести их срочнотружущих детишек из Пятигорска в Махачкалу. Вроде бы уже все в процессе, вопрос решится, как только привезут в дивизию очередную партию молодого пополнения... Допрашивали по разным углам, прокачали каждого по личностным факторам – не похоже, чтобы ребята договорились заранее. Руденко, скрепя сердце, подтвердил...

– Вот такие дела... – Иванов откровенно загрустил. – Так... Мы сейчас к нему домой съездим. Надо машину посмотреть. Если не хочет огласки и скандала, пусть домой позвонит, придумает что-нибудь насчет машины. Не хочет сотрудничать – без проблем, вломимся официально, с санкциями и полным обыском...

Насчет санкций, разумеется, полковник загнул. Но Руденко, естественно, об этом не знал, да и вообще, не в том он был положении, чтобы сейчас бить себя ногой в грудь по поводу законности проводимых нами мероприятий.

Через пять минут позвонил Братковский – можно ехать. Руденко предупредил домашних, что сейчас подъедут ребята, отгонят машину в сервис, мотор проверить. И объяснил свой скоропалительный отъезд в тапочках и трико: я все в том же сервисе, совсем рядом, скоро буду...

Мы оставили в покое дачу и поехали на Юбилейную. По поводу логики домашних Руденко, поверивших, что хозяин решил на ровном месте выпорхнуть из дома в шлепанцах и трико, дебатировать не стали. Приедем, откроют, и сразу видно будет, поверили или где.

А логика наших дальнейших действий была проста и подчинялась все той же оперативной необходимости.

Не пробовали обыскивать без санкции усадьбу подозреваемого? Перевернуть вверх дном жилище, довести до предынфарктного состояния родственников – и все это самовольно, на свой страх и риск, в приятной перспективе личной ответственности за содеянное...

Машина – совсем другое дело. Отогнал в укромное место и шмонал на здоровье. Целесообразность – примерно пятьдесят на пятьдесят. Как показывает практика, объект зачастую прячет в машине то, что не рискует оставить дома (если домашние его не вовлечены в преступную деятельность).

– Да, дома вряд ли будет прятать, – выдал умозаключение Иванов. – Постоянно ездит на машине... В общем, если бабки или, допустим, документы, скорее всего – в тачке...

Но привычной уверенности в словах полковника не было. Просто он не желал признавать поражения и пытался отдалить печальный финал нашей незадавшейся операции.

Вкратце дела обстояли следующим образом: взяли мы не тех, кого надо, спугнули преступника раньше времени, улики, прямо указующих на его причастность к злодеянию, не добыли. Теперь, без фактов и доказательств, замучаешься колоть его на связь с «духами». Придется, как это ни прискорбно, отпускать с извинениями. Скорее всего, после завершения всей этой истории он обрубит концы и свернет свою активность в данной сфере. И не видать нам тех пользователей, как своих рудиментарных отростков, именуемых копчиками...

* * *

При въезде на Юбилейную к нам присоединился Глебыч, успевший за время нашей безрезультатной экскурсии починить «УАЗ», заправить его и поменять масло. У нас так всегда:

мозгов – море, а рук мало, если делается что-то реальное, что можно ощутить сиюминутно, так силами Глебыча. Типа, починить что-нибудь или взорвать.

Полковник с удовольствием уступил инженеру место за рулем «таблетки», а Костя с Лизой пересели на свое транспортное средство, выразив надежду, что больше оно их не подведет в самый важный момент.

– Не знаю, – усомнился Глебыч. – Машина в принципе ничего. Но с такими руками...

Долго звонили, мялись у калитки – никто не открывал. Наконец самая сообразительная из нас, Лиза, догадалась повернуть ручку, стилизованную под массивное медное кольцо. Дверь оказалась открыта, и мы беспрепятственно вошли во двор.

Тишина...

Ни тебе собак, злобно лающих, ни вороватого колыхания занавесок за окнами, как бывает при посещении семьи «духа»... Вернее, семья его никому даром не нужна, внезапный визит наносится в надежде застать объект в домашней обстановке (и такое случается – не часто, но бывает). Так вот, бывает по-всякому, но типичны два варианта. Первый – превалирующий: вся семья вываливает во двор и начинает хором орать, жизнерадостно приветствуя оккупантов и всячески мешая беспрепятственному перемещению незваных гостей. «Дух» тем временем задами убирается восвояси. Второй вариант – «фоновый», встречается редко: все запираются в доме и делают вид, что умерли. На что надеются, непонятно. Типа, «а я в домике!». Тупоголовые оккупанты подумают, что дом нежилой, ошиблись адресом, тут была чума и всех выкосило подчистую, – и уберутся восвояси. В общем, резвятся как дети, даже наш Костя теряется, пытаюсь объяснить некоторые такие поведенческие феномены...

Да, это было странно... Едва оказавшись во дворе усадьбы Руденко, я почувствовал те знакомые флюиды, которые трудно объяснить с научной или просто даже реалистической точки зрения. Так бывает, когда во вражьем селе заходишь во двор, где живет семья «духа». Семья-соучастник, да простят меня правозащитники. В целом они люди хорошие и ни в чем не виноваты, но твой враг – их сын и брат. А значит, кто ты им? Вот-вот...

В общем, посещая такие места, человек опытный и посвятивший достаточно долгое время ратному делу, чувствует себя как на территории вражеской базы, где в тебя могут выстрелить из-за любого угла или исподтишка ткнуть ножом в спину. Глянув мельком на наш «барометр» – Васю, я понял, что он чувствует то же самое, и даже в большей степени...

А странным было то, что данная ассоциация никак не вмещалась в рамки имевшей место ситуации. Мы находились в мирном городе, далеко от особой зоны, на своей земле. И уж никак нельзя было отождествлять Руденко с «духом», хотя вреда он, может быть, принес несколько не меньше рядового бойца какого-нибудь НВ³ Ф...

В глубине двора, под навесом, стояла «Волга» Руденко. Навес был прилеплен к летней кухне (флигелю), плавно переходящей в добротный кирпичный гараж на две машины. Рядом с кухней высился насыпной погреб с обитой железом дверью и оборудованным по всем правилам инженерного искусства вентиляционным коробом.

«Волга» под навесом... Значит, Руденко собирался куда-то ехать? Какое досадное упущение! Надо было предусмотреть хотя бы беглый обзор двора, прежде чем тащить полковника в контрразведку. А то сосредоточились на деликатности в отношении родственников преступника и прозевали такой здоровенный флюид...

– Мы тут ночевать будем? – Петрушин многозначительно посмотрел на Иванова и кивнул в сторону погреба. – Вот с чего надо было начинать! Не выходит никто – ну и хрен с ними...

– А мы в мирном городе, – веско напомнил Иванов. – Привыкайте, нам еще не раз в такой обстановке придется трудиться.

– Сходить? – предложила Лиза. – Типа дама, толерантность и все такое прочее...

³ Незаконное вооруженное формирование.

– Спасибо, я сам, – полковник с благодарностью глянул на Лизу, пошел к крыльцу и через плечо показал нам кулак: – Стоять, не двигаться, ничего не трогать! Хоть одна банка с огурцами пропадет – вычту с полочки...

Иванов громко постучал в металлическую дверь – (мало ли, вдруг звонок у калитки нерабочий?), выждал для приличия с минуту и вошел. Как только он распахнул дверь дома, во двор плеснула задорная музыка и характерный гомон застолья.

– Ну! – Глебыч одобрительно крикнул: – Отдыхают люди. Теперь понятно, почему не открывали.

– Че-то тут того... – Вася с сомнением покрутил головой и зачем-то задвигал ноздрями, как будто принюхиваясь. – Не того...

– В смысле? – насторожился Петрушин.

– Да как в погребе! Когда гуляют, всегда на улице слышно. Чай, не глухонемые. А тут – тишина. Пока дверь не раскрыли, не слышали ничего...

– Значит, звукоизоляция хорошая, – рассудительно заметил Глебыч. – Вон, стеклопакеты везде...

– А гости? Кто видел, как гости съезжаются? – Вася обернулся ко мне. – Я что, все на свете проспал?!

– Не было гостей, – успокоил я Васю. – Наверное, приехали, когда мы в контрразведку...

В этот момент на крыльцо вышел Иванов.

И как-то странно вышел... Задом наперед, на цыпочках, вжав голову в плечи и как будто даже затаив дыхание. Знаете, как пятится человек от чего-то большого и страшного, боясь это страшное разбудить!

– К бою! – тихо рявкнул Петрушин.

Мы метнулись к дому, доставая на ходу оружие, и прилипли спинами к стене.

– Не надо, – Иванов шумно выдохнул и помотал головой, будто отгоняя наваждение. – Заходите. Только аккуратно, не наступите...

В доме было скверно. Все перевернуто вверх дном, повсюду разбросаны вещи. Навороченный домашний кинотеатр (простому военному такой явно не по карману) орет как оглашенный, транслируя видеозапись чьей-то свадьбы...

На полу, в гостиной, в буквальном смысле плавали в собственной крови три женщины разных поколений. На свои оперативные снимки они сейчас были похоже меньше всего, но я все-таки определил, что это теща, жена и дочь нашего преступника. У всех трех было перерезано горло. Вернее, не просто перерезано, а прямо-таки развалено до шейных позвонков.

– Вход держите, – деловито буркнул более других адаптированный к таким зрелищам Петрушин и кивнул Васе: – Пошли...

Характерная деталь: дочь Руденко, девочка лет пятнадцати, почти полностью обнажена. На ней остались лишь лохмотья изорванной футболки. Тело ее покрыто ссадинами и кровоподтеками...

– Вот же суки...

Это Костя – стиснув зубы, с придыханием и неподдельной ненавистью. У Кости дочь примерно такого же возраста. Такие вещи, как правило, всегда отчетливее воспринимаются с точки зрения личной сопричастности...

Все окна в доме плотно закрыты и занавешены шторами. И пахнет, как в убойном цехе. Воздух плотный, с тошнотворным солоноватым привкусом и какими-то непередаваемыми флюидами страшных страданий. Даже обладая небольшим опытом в подобного рода делах, можно сразу сказать: в этой комнате несколько человек не менее часа истекали кровью и потели от боли и ужаса...

– Давайте окно откроем, – побледневшая Лиза шумно сглотнула. – Какой ужасный запах...

Девочка вся в кровоподтеках... Кровоподтеки, как известно, это явления прижизненного характера. Только живая плоть реагирует мгновенным приливом крови к травмированному участку тела.

Руденко звонил домой минут за двадцать до нашего приезда и разговаривал с кем-то из тех, чьи трупы мы сейчас наблюдаем. Скорее всего, с женой...

Чтобы вот таким образом резвиться, нужно некоторое время. То есть вряд ли злодеи делали это после звонка, когда стало ясно, что сюда скоро пожалуют посторонние. Это что же получается... Руденко разговаривал с женщиной, к голове которой был приставлен ствол?!

– Чисто, – доложил вернувшийся Петрушин. – Никого. Но тоже – все перевернуто.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Иванов, поочередно открывая форточки в окнах зала. – Откуда что берется... Кто?! Зачем?! Почему именно сейчас, когда мы его взяли?! Лиза, можешь выйти, мы тут и без тебя как-нибудь...

Лиза дернула плечиком, постояла с минуту у форточки и достала из сумки камеру. Да, надо снять все это безобразие до приезда оперативной группы. У нас уже не раз бывало такое, что по ходу деятельности команды возникали разные осложнения как мелкоуголовного, так и откровенно убийного характера. И за это потом злые коллеги из разных ведомств пытались подвесить на нас всех доступных собак и прочую животину. Так что, наученные мы горьким опытом, страхуемся как можем.

– Вот так ни фига себе, съездили за машинкой...

Иванов посмотрел на часы, чертыхнулся и достал телефон. Ошалев от впечатлений, мы непродуктивно потратили минут семь. Мелочь вроде, правда? Но семь минут – целая вечность для первого оперативного решения по ситуации. К примеру, за это время можно покинуть не только город, но и пригородную зону охвата спецмероприятиями типа «Кордон», «Гастролер» и так далее. То есть свалить насовсем, окончательно и бесповоротно. Потому что вне города по трассе с постами ездить не обязательно. А здесь повсюду такой ландшафт, что без всяких дорог можно добраться до любого грузинского перевала...

– Не понял... Они что, сговорились сегодня?!

Братковский, местный дивизионный контрик, не отвечал. Телефон оперативного дежурного по контрразведке тоже молчал. Иванов от возмущения пошел пятнами и отчетливо вымолвил пару непечатных выражений. Это редкость – чтобы вот так при даме. Однако, и в самом деле, чего это они? Ладно, Братковский занят допросом, отключил телефон. Но дежурному-то сам бог велел постоянно находиться на связи!

– Да чтоб вы все сдохли, уроды горбатые! – Иванов опять стал набирать кого-то из нужных нам абонентов. – Саботажники, блин...

Да, связь с контрразведкой нам сейчас нужна как воздух. Если непонятно, объясняю. Кто-то убил семью Руденко. Как раз в тот самый момент, когда мы его взяли. Есть все основания предполагать, что это как-то связано с нашим интересом к нему. В противном случае очень уж фантастическое совпадение получается, такого в жизни просто не бывает!

Теперь нам надо как можно быстрее поднять на ноги все окрестные силы правопорядка. Чем черт не шутит, вдруг успеем отловить супостатов. В таком деле даже самый минимальный шанс нужно использовать с максимальной отдачей. Так вот, «поднять» – это только звучит легко и просто, а на деле все значительно сложнее. Позвонит Иванов дежурному по УФСБ, милиции и так далее, сообщит о ситуации, представится... А кто такой Иванов? Какой-то полковник контрразведки, никому здесь не известный, с расплывчатыми полномочиями, подтверждать которые целое дело. Короче, на место должна прибыть опергруппа, которая разберется в ситуации и доложит по команде, только после этого на верхах будут принимать решение об объявлении глобальной операции. Времени уйдет – тучева хуча.

Кроме того, есть ведь еще и другой аспект. Как раз тот самый, по поводу которого бледнолицая Лизавета снимает сейчас трупы и обстановку на камеру. Если даже по-хорошему разо-

браться, мы в этом деле как минимум свидетели и придется нам крепко застрять здесь, чтобы принять участие в следственной процедуре. То есть об оперативной работе по горячим следам даже и мечтать не стоит.

Ну а если не по-хорошему? Занимались ОРД (оперативно-розыскной деятельностью) на свой страх и риск, без всяких санкций, самочинно задержали уважаемого военного, затем вперлись в его дом, а там... И попробуй вот так с ходу, навскидку, докажи, что это всего лишь роковое совпадение! Ни фиги себе, совпадение...

А Братковский местный и всех тут знает – у него работа такая. Начальнику контрразведки дивизии по должностным обязанностям положено взаимодействовать со всеми подряд «смежниками». И он в курсе нашего мероприятия. То есть два звонка начальникам соответствующих ведомств – и все проблемы решены...

Номер коммутатора дивизии у нас был, узел связи в том же здании, телефонисту два шага сделать, толкнуть оборзевших контриков... Но этот номер почему-то тоже не отвечал. То ли поменяли (а мы давненько в здешнюю дивизию не звонили, незачем было), то ли еще по каким причинам. Номера оперативного дежурного по дивизии ни у кого не было.

Вот такая досадная мелочь, на которую в хорошо поставленных боевиках обычно никто не обращает внимания. Там ведь как все показывают: место происшествия, лица героев (крупным планом и в панораме), кто-то задумчиво лезет в карман за мобилой – и все. В следующем кадре на месте происшествия уже полно оперативно-следственных товарищей, которые деловито занимаются привычной работой, а героев где-то в сторонке по-отечески журит (обратите внимание, не жарит, а именно журит) строгий, но справедливый начальник.

Увы, увы – если бы оно всегда так было в реальности...

– Ну и что теперь нам делать?

Да, это вопрос. Это ведь Иванов у нас мозг, обычно ему все задают такого рода вопросы. То есть связи с контрразведкой нет, время бежит, с каждой минутой и без того незначительные шансы на успех медленно, но верно тают и вот-вот исчезнут совсем.

Посомневавшись с минуту, Иванов тяжело вздохнул, набрал спецпредставителя президента по ЮФО и коротко доложил о ситуации.

Что говорил Витя (это мы так фамильярно зовем его промеж себя, товарищ он совсем не старый и ведет себя соответствующим образом), я не слышал, но, полагаю, в этот момент его голос не звенел переливами восторга. Он ведь не ставил нам задачу заниматься каким-то там Руденко, это мы все сами, по своей инициативе. А теперь, значит, ему давать указание местным властям об экстренной организации заградительных спецмероприятий и воспрещение привлекать нас к следственным действиям по факту случившегося!

– Держи, – Иванов, закончив общаться со спецпредставителем, протянул свой спутниковый телефон Косте. – Оставайтесь с Лизой здесь, ответите на вопросы. Если что, сразу звонишь Вите. Лиза, камеру Сергею отдай. Мало ли...

Это означало примерно следующее: Витя, конечно, замолвит за нас словечко... Но нельзя исключать такой вариант, что оставленные на месте происшествия товарищи будут подвергнуты некоторым неприятным процедурам сугубо дознавательного характера.

После этого мы отбыли в дивизию. Помощь Братковского нам уже была не нужна, но надо было срочно перекинуться парой фраз с господином Руденко...

* * *

Знаете, есть такая старая песня «А город подумал – ученья идут!». Мужик летел на самолете, маленько недолетел и рухнул. Но вытянул за город и спас всех подряд. Молодец, короче, настоящий мучачо.

Мы тоже сначала подумали, что нам сегодня фатально не везет: приехали экстренно пообщаться с преступником и попали на тактико-строевое занятие или отработку «вводных» по взаимодействию составляющих боевого расчета при отражении нападения на военный городок.

– Та-та-та-та-та...

Сначала была длинная очередь поперек дороги, метрах в трех от бампера нашей «Нивы». До транспортного КПП осталось метров семьдесят, вдруг – пулеметный рокот, ровная стежка фонтанчиков грязи, и солидный хлопок в зад. «Таблетка» шла близко, а тормозит она не так легко, как «Нива».

– Ни хера себе, новости! – возмутился Вася, вываливаясь на ходу из машины и кубарем скатываясь в кювет.

Остальные тоже не замедлили последовать его примеру. Ну и что – мирный город, мало ли чего там кому в голову взбрело! Сначала надо укрыться, а уже потом осмотреться и разобраться по ситуации.

Укрылись, осмотрелись. Уже темнело, но диспозиция просматривалась. На крышах – дежурные огневые средства, бойницы в заборе ошестинились стволами. В общем, дивизия в обороне.

– Лежать! – заорал кто-то с КПП. – По одному – на площадку! Руки на голову! По одному! Если двое пойдут – огонь на поражение!

– Это сейчас на «большой земле» вот так вводные отрабатывают? – угрюмо буркнул Иванов, первым направляясь к парковочной площадке у КПП. – С боевой стрельбой и заваливанием всех подряд в грязь? Да, мы там, у себя, отстали от жизни...

Нас поставили под стволы, обыскали и отобрали оружие. Удостоверения наши никого не впечатлили, молодой краснощекий лейтенант – командир ГБР (группы быстрого реагирования) – со здоровым сарказмом заметил, что сейчас можно подделать абсолютно любой документ. Спорить не стали – в курсе мы насчет поддельных документов, но потребовали позвонить Братковскому. Пусть, мол, ваш особист прогуляется к КПП и подтвердит, кто мы такие.

Тут глазающий через турникет дежурный по КПП проснулся: вспомнил, что мы здесь были полтора часа назад и точно, Братковский звонил, велел нас пропустить...

На информацию дежурного лейтенант отреагировал неадекватно: переглянулся со своим помощником – рослым сержантом и заорал страшным голосом:

– Все на землю!!! Легли все, я сказал!!!

И неизвестно, чем бы вообще все это закончилось, но в этот момент как раз прибыл вызванный по поводу нашего появления оперативный дежурный – целый подполковник, и с ходу опознал Петрушина и Костю. Оказывается, служил с ними вместе.

– Вам лучше уехать, – посоветовал дежурный. – Тут сейчас такое творится – не до вас...

Что именно творится, подполковник объяснять не пожелал – замялся, а на заявление Иванова о том, что нам необходимо срочно переговорить с Братковским, нервно дернул ртом и сообщил, что это невозможно.

– Вот же черт... Но почему? У вас что, внезапно карантин ввели?!

Подполковник покачал головой и заметно напряг извилины, подбирая слова для доходчивого объяснения. А пока он собирался с мыслями, из тамбура КПП дежурный поинтересовался, не полковника ли Иванова группу тут задержали?

Точно, это мы! А с какой целью интересуетесь?

– Начштаба звонил. Сказал, что если это Иванов – пусть быстренько топают со всей оравой к узлу связи. Там военный прокурор, весь горит желанием пообщаться.

– Не понял... – у Иванова в буквальном смысле челюсть отвисла. – А с какого боку тут прокурор?

– В общем... У нас восемь «двухсотых», – собравшись с духом, отчеканил оперативный. – Братковский, с ним четверо особистов и трое связистов. В общем, все, кто был в здании узла.

Вася с Петрушиным синхронно присвистнули – на два тона, у остальных как минимум на минуту пропал дар речи. Новости, сами видите – оторви да брось. Жизнь с каждым часом становилась все насыщеннее.

– А Руденко? – резонно поинтересовался Петрушин. – А даги?

– В отпуске Руденко, – буркнул оперативный. – Если командировки отметить – к Дышлюку. А какие-такие даги?

– То есть на узле его не было?!

– Кого не было?

– Да Руденко же!

– Если это шутка, то я чего-то не догоняю, – оперативный устало вздохнул и укоризненно посмотрел на Петрушина. – Я сказал: все, кто был на узле, – «двухсотые». Шестеро особистов и двое связистов. А Руденко давно уже в отпуске...

Глава 4

Диверсант

Бойцы мои в грязь лицом не ударили, все сделали как надо. Трупы выгрузили через окно и пропали как минимум на пару часов. Когда вернулись, занялись уборкой. К утру в номере был идеальный порядок – думаю, даже самому дотошному эксперту трудно было бы наскрести что-нибудь для анализа. Ильяс, правда, продолжал по инерции права качать. Когда я спросил, куда они пристроили наших приятелей, он пожал плечами и ответил:

– А тебе это зачем? Ты ж сказал – «сами, это ваше дело, где и как»...

– Да, сказал. Но если ты забыл, напомню – я вами команду и несу ответственность за каждый ваш неверный шаг.

– Неверный?!

– Если в колодец канализации, что в сквере напротив, придется перепрыгивать. А это целое дело.

– Ну убил! – обиделся Артур. – Ты нас за кого держишь? Что ж мы, по-твоему, даже трупы не в состоянии спрятать? Зачем тогда согласился с нами работать? Сказал бы сразу – не подходят, давайте других...

– Значит, не в люк?

Бойцы внимательно посмотрели на меня, переглянулись и прыснули.

– Может, хватит прикалываться?

– Может, и хватит...

Перед тем как подсесть на закорки к контрабандникам, мы, естественно, осмотрели местность. Это одно из основных правил диверсанта: если есть возможность, обязательно как можно тщательнее изучи подступы к объекту, на котором тебе предстоит работать. Люк в сквере хорош для укрытия только с первого взгляда: вроде бы в кустах, скрыт от посторонних глаз и в то же время рядом, далеко тащить не надо. Со второго взгляда видно, что на крышке свежие царапины, тропинка к люку протоптана основательная. Открывать не стали, но и так понятно – часто пользуются.

– Ладно, давай договоримся, – пошел на мировую Ильяс. – Мы согласны – были не правы. Наказал за дело. Ты командир, мы бойцы, должны выполнять все с полпинка, иначе – всем смерть.

– Приятно слышать...

– Но и ты тоже – хорош прикалываться. Мы не пальцем деланные и не первый раз на операции.

– Я в курсе.

– Ну тогда и относись к нам как к полноценным бойцам. Без всяких там подь...бок – проверок.

– Хорошо. Так без обид?

– Да ну, какие обиды. А то мы не знаем, за что нам деньги платят?

– Ну я рад. А все-таки... куда приятелей дели?

– Под площадку с мусорными баками. Под асфальт подкоп сделали, упаковали, утрамбовали. Лопаты почистили, повесили обратно на пожарный щит. И попробуй скажи, что ты сделал бы что-нибудь лучше.

– Нет, не скажу. Это оптимальный вариант. До весны к этой площадке никто и не приронется...

В одиннадцать мы выписались. Как и ожидалось, администратор и дежурная были новые. Они в нашу сторону даже и не посмотрели. Потому что мы больно молоды для таких солид-

ных теток. С нами, с разницей минут в десять, выписывались какие-то строители, от сорока и дальше – так администраторша все охала: жаль, мол, такие импозантные мужчины от нас уезжают...

После этого мы поехали на другой конец города и взяли номер в небольшом семейном пансионате, с гаражами. На западе подобные заведения именуют мотелями. Позавтракали, поставили вещи и поехали работать.

Да, кстати, проверка моя удалась не в полной мере. Артур, образно выражаясь, соскочил. Ильяс достал из сумки свой нож и деловито заколол обоих приятелей Андрея. Два точных удара в сердце – два трупа. И не один мускул на лице не дрогнул.

Выражения лица Артура в тот момент я не видел, он стоял ко мне спиной. Вряд ли он так встал намеренно, но факт – в Артуре я пока до конца не уверен. А отдельно проверять его уже некогда, нам работать надо. Придется все делать на ходу, во время операции...

* * *

Куратора нашего зовут Майрбек Умаров. Это один из влиятельных людей в Чечне, амир, или, как привык говорить российский обыватель, полевой командир.

Забавное словосочетание – «полевой командир», не иначе какой-то хитрый журналист его придумал. Для горожан звучит загадочно и весомо, а сельчане, в том числе и чеченцы, над этим смеются. У меня, например, словосочетание «полевой командир» ассоциируется с хрым Исмаилом из Закан-Юрта – колхозным бригадиром, который ковыляет по полю и сердито командует убирающими кукурузу женщинами. Он сердится на то, что женщины ленятся нормально работать, а они смеются над ним, потому что бригадир инвалид и ничего не может им сделать. Вот это точно – полевой командир.

А если, допустим, отряд в горах, значит, командира надо называть «горным»? Я, например, знаком с ребятами из нескольких крупных банд, у которых базы (схроны и места сбора) расположены в лесном массиве. То есть живут они, как и все нормальные военные нохчи, в обычных селах, а когда надо делом заняться, едут в лес, достают оружие, переодеваются в форму оккупационных войск... Теперь что, их главарей называть «лесными командирами»? Ну, журналиги, придумали...

На мой взгляд, ами⁴ р будет правильнее. Самый большой человек в своем районе, именно в его руках сосредоточена реальная власть, администрация, и органы либо делают вид, что не замечают его деятельности, либо откровенно заигрывают с ним, идут на всякого рода сделки и договоры. Восток – дело тонкое, то же можно сказать и о Чечне.

Ну так вот, имечко нашему куратору досталось славное, Майрбек в переводе с чеченского значит «храбрый бек». Бек – слово тюркского происхождения, что значит «властитель, господин», более того, в некоторых случаях употребляется как синоним арабского «амир». Улавливаете?

Майрбек в полном объеме соответствует своему имени. Он бесстрашный воин, первый человек в своем районе, славный амир и один из лучших кунаков самого Шамиля. Шамиль-то и поручил ему курировать нашу операцию.

Гордости нашему куратору тоже не занимать – орел!

А вот с логикой у славного Майрбека непорядок. Выяснилось это буквально в самом начале операции, при первом же «деловом» контакте на вражьей территории.

Когда он меня инструктировал, я грешным делом подумал, что мужик окончил какое-то элитное учебное заведение шпионско-разведывательного типа. Терминологией владеет – от и до. А уж как эффектно оттопыривал пальцы – как на стенах борозды не остались, не знаю!

⁴ Эмир (араб.: амир – повелитель) – военачальник, вождь.

– Всегда помни, самое главное в нашем деле – конспирация и профессионализм. Дилетантам платят совсем другие деньги, так что, будь добр, не разочаруй нас...

Нет, Ильяс с Артуром ко мне подсадили правильно, как по учебнику. Комар носа не подточит. Я порадовался: грамотный куратор – это большая удача, от этого много зависит.

Однако на первой же «связи» удача и кончилась. Зря радовался.

Адреса «связей», как положено, я зазубрил, а бумажку сжег. Все это были «деловые» люди, на тот случай, если мне вдруг экстренно понадобится помощь. Связываться во время операции лично с куратором я имел право только в случае явной неудачи мероприятия (читай – провал всей операции). Это вовсе не потому, что Майрбек опасался, что чекисты нас подслушают и вычислят его местонахождение. Ему на это наплевать, он едва ли не открыто катается через все блокпосты и периодически даже в Москву и Питер летает, отдохнуть как следует. Если кто не в курсе, наши амиры регулярно оттягиваются в столицах, соря деньгами и балуя себя разными прелестями цивилизации. И не потому что ваши спецслужбы не работают, а просто у наших амиров много верных друзей среди россиян. И верность эта очень хорошо оплачивается.

Меня, в общем-то, тоже никто отдельно беречь не собирался. Я, хоть и мастер, но диверсанты рано или поздно умирают на работе, и все об этом прекрасно знают.

Такая конспирация соблюдалась в первую очередь ради сохранения строжайшей конфиденциальности операции, которую мне предстояло провести. В операции крепко заинтересован сам Шамиль, а вслед за ним, как водится, весь ГКО (Государственный комитет обороны) Ичкерии.

Так вот, все связи были «стационарными», там можно было переночевать или попросить медпомощь. А именно вот эта – разовой.

– Сразу, как прибудешь, обратись вот по этому адресу, – сказал Майрбек. – Это мой человек. Он тебе кое-что даст, чтобы было легче работать.

От наводящих вопросов насчет «его» человека Майрбек величественно уклонился. Конспирация, мол, мне знать не обязательно. Я тогда как-то не обратил внимания, а вообще, следовало прямо там же рассмеяться. Какая, на фиг, конспирация? Я все равно узнаю, что это за человек – все-таки домой к нему приду!

Что именно мне дадут такое, что поможет в работе, меня здорово заинтересовало. Пистолет с глушителем? Яд? Какой-нибудь мощный разрядник? Мы, вообще, должны были работать на территории противника практически без оружия, пользуясь только небольшими боевыми ножами, искусно стилизованными под сувенирные экземпляры. Никаких штучек, которые могли бы заинтересовать органы при нашем возможном задержании – это одно из основных условий операции.

Однако Майрбек и тут отказался отвечать. Конспирация, мол, все на месте узнаешь.

А зря он так. Мог бы и сказать. Тогда бы мы избежали многих неприятностей...

Сразу общаться со специальной «связью» Майрбека мы не поехали, некоторое время покатались по городу, собрали кое-какую информацию. В городе все было нормально, военных здесь полно, и наша базовая легенда очень органично вписывалась в обстановку. По легенде мы контрактники, проездом, к друзьям заскочили, а двигаем в Ростов, чтобы требовать невыплаченные нам боевые. Думаете, чего это мы к Андрею с его друзьями прицепились? Специально искали похожий материал, чтобы на практике отшлифовать фактуру и получить самую свежую информацию. Вышло все неплохо: получили и отшлифовали. Я, например, хоть и хорошо разбираюсь в особенностях повседневного военного быта, но из системы выбыл уже давно и кое-где отстал. Многое из того, что рассказал Андрей, было для меня в новинку.

«Связь» Майрбека обосновалась в хорошем местечке: неподалеку от выезда из города на трассу «Кавказ», в тихом и уютном пригородном районе. Если я все же доживу когда-нибудь до «пенсии», то поселюсь именно в таком месте. Тут за сутки пара-тройка машин проезжает,

совершенно безлюдно, как-то по-особому спокойно: можно у любых ворот сесть на лавке и чай пить.

Ничего скверного мы еще сделать не успели, обстановка в городе была нормальная, так что специально проверяться даже и не стали. Так, осмотрелись, когда подъезжали к усадьбе. Если не считать невзрачной «Нивы» у магазина, что был дальше по улице, в зоне видимости вообще никого не было.

Первый сюрприз: «мой человек», как его отрекомендовал Майрбек, оказался славянином. В общем-то, вроде ничего такого особенного... Но я как-то уже привык, что все «связи» во время операций – вайнахи (чеченцы или ингуши), малость ассимилированные под особенности региона проживания. Так надежнее, практически исключена вероятность сдачи органам.

Второй сюрприз, вдогонку: этот славянин – военный или совсем недавно вышел в отставку. Легко заметить по выправке и целому ряду характерных особенностей.

Знаете, есть поговорка: «рыбак рыбака видит издалека». Я сразу понял, что он военный, а он тоже сразу понял, что я военный. А еще он оказался неприятно любопытным. Выразил удивление по поводу того, что я от Майрбека (ничего не сказал, но посмотрел таким красноречивым взглядом: типа – странно, что такой хлопец работает на Майрбека!), и поинтересовался, где я служил.

Я сказал, что на Дальнем Востоке, он уточнил, где именно на Дальнем Востоке. А вот это уже военная тайна. Он рассмеялся и сказал, чтобы мы подождали минуту. Поковырялся в своей машине, вытащил пухлый конверт из плотной бумаги, кое-как заклеенный, и вручил его мне. И опять посмотрел на меня как-то странно. Я бы сказал – с сомнением посмотрел, как будто взвешивая, правильно ли он поступил, отдавая мне этот конверт, или, пока не поздно, потребовать его обратно.

В общем, мне вся эта встреча не понравилась с самого начала. Я еще ничего не знал об этом типе, но уже заранее, авансом, почуял, что Майрбек невольно подложил нам свинью.

Мы распрощались, выехали из частного сектора на трассу и встали в оживленном месте. Надо было посмотреть, что там такое нам вручили.

Распечатал конверт, там калька «гармошкой», исписанная убогим почерком, каждая буква выведена. Стал смотреть, увидел несколько знакомых фамилий, сразу вспомнил материалы, которые изучал перед отправкой на операцию. Оказывается, «человек Майрбека» передал нам адреса проживания семей старших офицеров Северо-Кавказского округа Внутренних Войск.

Я, вообще, в любой ситуации умею владеть собой, работа у меня такая. Но тут не сдержался: кровь бросилась в лицо, кулаком по баранке стукнул.

– Проблемы? – насторожился Ильяс.

– Проблемы, – не стал скрывать я. – Но пока все поправимо. Просто работы прибавится.

– Что за работа?

– Сейчас скажу. Дайте пять минут поразмышлять...

Данные очень нужные, с ними и в самом деле работать будет значительно легче... Но посылать за ними надо было курьера, который не имеет никакого отношения к операции. Курьеру следовало бы передать конверт одной из нейтральных «связей», которая тоже не имеет никакого отношения к операции. Следовало также принять меры, чтобы ни этот курьер, ни «связь» не знали, какая информация в этом конверте. То есть конверт надежнейшим образом запечатать, предупредить, чтобы вскрывать не смели под страхом смертной казни, и таким образом задействовать их обоих вслепую. А для страховки, разумеется, лучше всего было бы сделать «закладку» где-нибудь в нейтральном месте, чтобы мы не встречались ни с курьером, ни со «связью», а могли прийти ночью и забрать этот конверт из-под какого-нибудь двадцать третьего кирпича в восемнадцатом гараже, что на двести семьдесят третьем проезде восьмого

пригородного района. Это чтобы совсем исключить вероятность нашей «увязки» с этим документом в случае провала.

А у нас вышло так, что человек, который готовил документ, передал его из рук в руки основному исполнителю операции.

Представляете? Вот это конспирация!

Он смотрел на этого исполнителя, сканировал его своим внимательным взглядом, изучая, запоминая, анализируя... В чем-то там себе сомневался, передавая конверт, взвешивал что-то...

И ни фиги он не «мой человек» – ведет себя слишком независимо, скорее всего выполнял какие-то просьбы, может быть, пару раз встречался по делам.

А я понятия не имею, что он из себя представляет. Чтобы спрогнозировать его реакцию на наши деяния, которые воспоследуют в ближайшие несколько суток, надо этого типа тщательно изучить.

У нас такой возможности нет, и это в сложившейся ситуации весьма чревато. Потому что люди бывают разные. И по-разному реагируют на свои же поступки в контексте все тех же самых непредсказуемых особенностей психики. Один будет сидеть и спокойно смотреть страшные подробности по телевизору, поглаживая в кармане толстую пачку денег. И криво ухмыляться при этом.

А другой посмотрит, схватится за сердечко... и побежит каяться к чекистам или в контрразведку (если он действующий военный). А если учесть, что он видел основного исполнителя, и вся изюминка операции именно в особенностях внешности этого исполнителя...

В общем, не буду грузить подробностями, вы уже, наверно, и сами поняли. «Связь» Майрбека следовало немедленно убирать. Слишком много больших людей заинтересованы в этой операции. Слишком большие деньги дают за ее успешное осуществление. Такие большие, что можно все бросить и жить припеваючи в любом уголке земного шара. И слишком строго спросят за неуспех...

* * *

Посоветовавшись, мы никуда не поехали – с места, где мы стояли, прекрасно просматривался поворот на улицу, где проживает летально информированная «связь» Майрбека.

Во время разговора объект вел себя так, словно ждал кого-то в гости: посматривал на часы, ни намеком не проявил принятого в здешних краях гостеприимства, несмотря на любопытство, постарался побыстрее от нас избавиться. Нам теперь торопиться некуда: пока не решим проблему с этой «связью», работать дальше нет смысла. Так что подождем, кто там к нему приедет, проводим и займемся...

Дальше будет тавтология, за что прошу прощения – и так и этак крутил, как-то по другому сказать не получается.

Итак, ждали мы, ждали и, наконец, дождались. Но совсем не того, чего ожидали!

Проехал к усадьбе «связи» какой-то грязный «мерс», минуту там пробыл, не более... А по истечении этой минуты мы имели удовольствие лицезреть натуральную погоню, эталонный непрофессионально вырезанный кусочек из третьесортного полицейского боевика, авторы которого не захотели потратиться на хорошую технику.

Вместо полицейских «Фордов» там была какая-то обхезанная «таблетка», та самая «Нива», что торчала у магазина (недаром я на нее обратил внимание!), и отчасти «уазик», который, по логике, должен был перекрыть улицу. Отчасти – потому что он ничего не перекрыл, а просто застрял в переулке и в собственно погоне участия не принимал.

– А не свалить ли нам, пока не поздно? – быстро отреагировал на ситуацию Артур.

– Поздно, – я покачал головой. – Не знаю, что у них тут происходит... Но теперь нам в любом случае надо в этом разобраться.

– Что-то ты, брат, нервный, – неожиданно заметил Ильяс, обернувшись к Артуру. – Ночью в гостинице тоже предложил сваливать. Через окно. Не разобравшись, как-то с ходу...

– При чем здесь «нервный»? Просто привычка такая: сработал – сразу уходи с места акции...

– Не подчистив за собой, не «прибравшись»?!

– Ну... это уж как получится – по времени...

Да, интересная привычка. Надо будет к ней присмотреться повнимательнее...

Погоня была захватывающей, но недолгой. «Мерс» встал у придорожного базара, из него выскочили двое и побежали. Мы подъехали чуть ближе, посмотреть.

Судя по всему, весь этот нездоровый ажиотаж спровоцировали вояки – те, кто гнался за «мерсом», были в форме. Хорошенько их рассмотреть не получилось, слишком близко подъезжать было опасно, но и так видно: в «мерсе», оказывается, был наш «связист»!

За каким чертом он уехал от дома в одном трико и тапочках, я так и не понял. Двое военных вытащили его из машины – а он и не сопротивлялся, и усадили в «таблетку». На дальнем плане базара возникла какая-то задорная возня – с криками и оплеухами, толпа там быстренько собралась – по-моему, остальные хлопцы из погони разбирались с теми двумя, которые удрали ранее. Проявлять лишнее любопытство мы не стали – и так увидели все, что надо, и отъехали подальше, чтобы только держать «таблетку» в поле зрения. Это было совсем нелишним: один из той пары, что тащила нашего знакомого, показался мне чересчур уж внимательным. Он как-то очень профессионально осматривался, оценивая ситуацию, и вполне достаточно уделил внимания нашей машине. После этого торчать поблизости было бы просто даже как-то неприлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.